

Сэда Вермишева
Преодоление

Москва «Российский
писатель» 2014

УДК 821.161.1-1

ББК 84 (2Рос=Рус) В

Сэда Вермишева

В16 Преодоление: *стихотворения*. — М.: АНО РИД
«Российский писатель», 2014. — 232 с.

18ВМ 978-5-91642-113-2

В новой книге стихов поэта Сэды Вермишевой внимание сосредоточено на катаклизмах современного мира, новых вызовах духовному началу и его противостояние упрощению и примитивизации человеческого бытия. Об этом она говорит не в отвлеченно-философской манере, а конкретно, привлекая внимания читателя к фактам и событиям сегодняшнего дня.

Будучи остро социальными, стихи ее пронизаны лирическим началом сопереживания и сопричастности драматизму нашего времени.

Автор выражает благодарность Николаю Ивановичу Дорошенко и Левону Оганесовичу Осепяну за помощь в подготовке и издании этой книги.

978-5-91642-113-2

ББК 84 (2Рос=Рус)

© Вермишева С.К., 2014 © «Российский писатель», 2014 ©
Дорошенко Н.И., оформление обложки, 2014 © Омельченко
С.М., фотография на обложке, 2014

ПОЭТ

Ты пребываешь здесь

Инкогнито,

Никто не должен в мире знать,

Что солнце ввысь

Тобою поднято,

Что ты велел ему

Сиять.

Ты есть Закон.

Твои Владенья

Лежат везде,

Где солнца свет!..

Ты — сын побед,

Не поражений —

Для духа поражений Нет!

Еще идут твои сражения...

Гори,

Владей,

*Твори,
Поэт!..*

*Примиритесь же с Музой моей.
Я не знаю другого напева.
Кто не знает печали и гнева,
Тот не любит отчизны своей.*

Н.А. Некрасов

Юлия Шишина Урартийский сфинкс

Армения дала миру замечательных поэтов, но все они были отделены от нас «китайской стеной» иного языка (пусть даже в переводах Брюсова). Впервые в стихах армяно-русского поэта Сэды Вермишевой урартийский дух явил нам себя в первозданных, но родных нам сочетаниях и символах. Наши страны объединяют христианское вероисповедание, исторические судьбы, и стихи Сэды Вермишевой, в которых как бы обручаются два языка — русский и армянский...

Поэтами не становятся, закончив Литературный институт, — это глубокое заблуждение. Поэтами рождаются! Ибо это талант души. Раньше существовало такое забытое ныне слово — «страстотерпец». Собственно говоря, настоящие поэты — всегда страстотерпцы. Они одарены способностью «страстно терпеть», то есть переживать всё, что происходит с нами и вокруг нас острее и яснее других и, подобно, отчасти, святым, проверять свои переживания точнейшим

хронометром — Сердцем. <...> Рухнули десятки государств, исчезли с лица земли целые цивилизации, забыты многие подвиги и преступления, но Слово поэта плывёт сквозь времена, воскрешая переживания давно ушедших...

Такой лазерной способностью преодоления времени, несомненно, обладают строки Сэды Вермишевой, похожие на летящие стрелы, пронзающие сердца, — «Вновь сердце распахнётся, / И примет целый мир, / Весну, поляну, солнце, / Дорогу, монастырь...»

Наше апокалиптическое время объявило Человеческой Памяти войну. Сделало её ненужной, несуществующей. Тысячелетия истории и культуры выброшены за борт современности. Своими строчками, похожими на древнюю урартийскую клинопись на скалах, Сэда Вермишева перебрасывает монументальные мосты не только между прошлым и будущим, не только между народами, не только между идеями, но между человеческими сердцами. Её поэзия общечеловечна, ибо, как бы мы ни прятались от истины, всякая жизнь есть несение Креста <...>

Мы всё-таки всех
Потеряли,
Со всеми расстаться
Смогли.
И вновь мы,
Как прежде, —
В Начале
Летящего круга
Земли.
И надо опять воедино

Собрать свою душу и плоть —
Долины, равнины, низины —
Разора печаль

Побороть.

Сквозь все прегрешенья
Эпохи,
Сквозь их нарастающий
Гул

Собрать воедино солёные крохи
Морей
И пустынь
Саксаул.

И плыть сквозь разливы разлуки,
Пока не коснутся
Лица

Покинутых сущностей
Руки

И тёплые руки

Творца...

Поистине, это «клинопись времени». И она будет
жить долго-долго как свидетель нахлынувших на нас
внезапных трагических времен.

I

Начало

*Как на пустоши сочные травы
Прорастает желание писать,
И губами попробовать
Землю.*

Я почему-то жить — не тороплюсь.

Мне кажется,

Что впереди

Всего так много будет...

Я день не отпущу,

Пока не наслажусь

Неторопливо ходом буден...

Они мне так милы и дороги —

И тень листвы, и мягкий

Шёпот крон...

Я так люблю и пыль, и даль дороги —

Идти по ней без шума и знамен.

Мне кажется,

Что много мне отмерено,

И ни к чему сдвигать свершений срок.

Когда душа в бессмертии уверена,

То не спеша

Возводит свой

Чертог.

Мне трудно подниматься

По утрам.

Спешить к делам.

Преследовать удачу.

Мне кажется,

Что я тогда лишь что-то значу,
Когда я льну
Щекою теплой к снам,
Подсвеченным проснувшимся
Сознанием,
И кажется мне домом
Мирозданье...
И тишина, И сумрак по углам.

Как я люблю,
Как верю этим снам...

Туманы с тучами слились,
И неба свет так нищ
И скуден...

Ручьи,
Как реки,
Растеклись,
Базар немногочюден.
Визжит пила на лесопилке
И заполняет звуком дали.
Пройдешь — И мягкие опилки
Набьются в мокрые сандали.
Забор укрыла повилика...
Проходят серо дни,

Безлико,
Безликостью не тяготясь своею.

Здесь вызревают зерна тихо,
И я их торопить
Не смею.

Начну письмо.
Под дождь так тянет
Лелеять слов обугленную хворь...

Раскрыть окно,
Приставить к двери камень,
Начать письмо.
Писать в стихах.

Без адреса,
Без почты,
Которая бы приняла его.

А шум дождя
Вберут,

Впитают строчки —

Так сладостно с природою родство...
И только к утру тихо прозревая,
Со лба откинуть вымокшую прядь,
И, с подоконных досок дождь стирая,
Легко вздохнуть. И снова жизнь

Начать.

Какая тишь стоит над миром.
Заснул мой город.
Далеко
Бросает свет полоской узкой
В слепую ночь
Мое окно.
Белеет снегом занесенный
Проспект,
И, словно покровы,
На снег ложатся запоздало
Чеканных листьев кружева.

Не шелохнется тополь тонкий.
Он зачарованно глядит,
Как серп луны, прозрачный,
Ломкий,
Туманным облаком кадит.
В саду скамеек темных тени
Легли полосками на снег —
Прощальный знак порою осенней.
Остановило время бег.
А тишь стоит.
Стоит — над миром.
Мне в тишь такую —
Не уснуть.
Застыло всё.
Лишь звезды в небе
Неслышно строят
Млечный Путь.

ОЗЕРО «ПАРЗ ЛИЧ»*

Здесь тишина — сквозь гвалт лягушек.

На всю округу —
Ни души.
Деревья круглы,
Без макушек,
С изгибом грусти — камыши.
Всегда сырые здесь тропинки,
Ромашек россыпи — легки.
Здесь на воде цветут кувшинки,
На их ладонях — лепестки.
Здесь люди не дымят кострами,
И заросла травой межа.
Здесь сосны думают стихами,

Роня хвою не спеша

У ПАМЯТНИКА ТУМАНЯНУ

Просторной площади овальная ладья

Меня к утесу твоему выносит.

И листьев золото

Струит вослед мне осень —
Прозрачный вздох
И пламя бытия.
И глыба воздуха сиреневого,
Тая,
Мне постепенно заполняет грудь,
И нет у жизни
Ни конца ни края,
И бесконечен по земле
Мой путь.
Мне птицы опускаются на плечи,
И что-то строгое и стройное
Поют.
И предвещают мне
Большой и сложный вечер,
И будет с хлебом добрым схож мой труд.
Я завершаю первую страницу.

Я ощущаю счастье полных сил.
И в небе вижу я
Своей свободы птицу,
Которую никто
Не покорил!

Вы умирали когда-нибудь
Летом,
Лежа в высокой, зеленой траве?
Глаза закрывало вам
Солнечным светом,
Играли сверчки на волшебной
Трубе?
Птицы в зените над вами
Стенали,
Взмахами крыльев благословив?
Взглядом печальным цветы
Провожали,
В запахах тонкие вас обрядив?
Где-то поодаль плакали реки,
Камень точили,
Дробясь о скалу,
Плыл над полями сказочный реквием,
Сладко смешавши
Скорбь и хвалу?
Синие ветры вас окликали,
Голосом крови,
Просторов,
Глубин?

Вы умирали,
Вы уплывали,
Вы отрывались от всех
Пуповин?

Я так хочу стихотворенье
Придумать нежное тебе.
Страшит возможность разночтений —
Так много прочерков в судьбе.
И чаще все слова в молчанье
Уходят,
Как под хрупкий лед.
И немотой,
Взамен признанья,
Все чаще терпко вяжет рот.
Несоответствий горьких нота
Звучит.
И рушится строка.
О, если бы умел хоть кто-то
Слова переметать в стога,
Чтоб потянуло летним зноем
От их печали и молчанья,
Чтоб сентября густым настоем
Наполнить тишины звучанье,
Когда над ними облака
Проходит медленно,
Полого,
Не задевая крыш крылом,

Дорогой ветра, звезд и Бога
В своем молчанье роковом.

Только бы имя услышать твое...

Пусть его произносят чужие
Полузнакомые люди.

Какое это имеет значенье,
Если имя твое — Это первая песня,
Которую в жизни услышала я.

Если взгляд твой
Был первым лучом,
Что заставил меня
Опустить тихо веки,
И потом их поднять,
Чтоб вобрать тебя в душу свою?

Этой радости весть
Я поведала солнечным птицам,
И они вознесли ее к небесам,
И поведали небу.
И небо вздохнуло глубоко,
И плавно поплыл белый свет
Облаков.

А когда крылья птиц утомились,
Они весть передали деревьям и листьям,
И шорох упругий
Тронул стебли и травы,

Но на камни земли
Этот звук не упал.
Подхватил его ветер
В свои осторожные руки
И понес мне навстречу,
И бережно мне
Передал.

Я видела тебя во сне.
Струился свет.
И леденило крышу.
Луна стояла, словно страж,
В окне.
И знала я,
Что я тебя увижу.
Я шла бесшумно,
По большим путям,
Раскинув руки,
Словно для объятья.
По разметавшимся по всем
дорогам
Снам,
Которые должна была
Осмыслить
И понять я.

За пологом пурги.

За толщей снегопада,
Угадывала я

Твое тепло и свет.

И как за Каином

Легко ступала Ада,*

Я за тобою шла

На голоса примет.

Ты был везде —

В движении,

В дыханье...

Ты был угоден жизни

И любим.

И тысячи явлений и названий

Я замыкала

Именем

Твоим.

Раньше было не так.
Все не так, как теперь.
Неужели же ты
В списке горьких потерь?
Или как-то иначе
Это в жизни зовется?..
Поздно,
Трудно мне в жизни
Опыт жизни дается...

Все сместилось.
И время над нами.
Часто-часто гляжу я пустыми
Глазами.

Часто плачу.

Уже о себе о самой.

Мне за тридцать.

Ты со мной. Не со мной.

Не тянусь я к тебе.
Каменею.

А к другому уйти —
Не могу.
Не умею.

Пусть отмирает.
Не уходит.
Я боль не выдержу.
Молчи...
Кружатся звезды
В хороводе
Моей пустующей ночи...
Ты слышал взлеты куропаток,
— Такой шуршащий, быстрый
звук?...

Вот так все кончилось.
Когда-то
Мир выхватил меня из рук
Твоих.

И бросил в небо.
И вновь на землю
Уронил.

И не дал мне
Земного хлеба,
И для полета

Не дал
Крыл.

Пространство
линчуют
Тугие дожди.

Подожди!

Как преждевременно ливни

Ликуют

Смакуя

Лицо запрокинутое твое, —

Беда еще в колокол неба не

била.

И узду от Созвездия Псов

Я пока еще

Не обронила.

Я тебя еще не разлюбила.

И белы снега облаков

По которым меня несет

Эта дикая,

Звездная

Стая.

Не возвращайся,

И не жди меня.

Закрой глаза

И ничего не бойся.

На теплый луг

Пусти пастись коня,

Все раздари.

Раздай.

И к встрече приготовься...

Я обниму тебя
И поплыву
В мерцающие переливы дали...

Поверь, доверься
Моему крылу,
Крылу любви,
И смерти,
И печали.

Я не хочу твоего возвращенья,
Свобода дороже любви.

Ни слез,
Ни упреков,
Ни гнева,
Ни мщенья —
Отплакали те соловьи.

И только — дорога.
Вся в лунном сиянье,
Над нею — морозная синь.

Дорога свободы.
Дорога деянья.
До смертного часа!

Аминь!

II
Зовы простора

*Я протянула
Всем невздадам
Руку...*

Просторы тяжелые подняли веки.
Таким ожиданьем глаза их полны.

Ну что мне сказать вам,

Долины и реки, —

Вам,

Солнечных бликов

Литые челны?..

Навстречу мне руки Ваагна*

Простерты,

Зеленое пламя весенних одежд.

Я мимо иду

Ваших пристаней теплых

По белым камням Невозможных

надежд...

* "В а а г н" — армянский языческий

Мое сверх-Я

Вобрало все наречья,
И просторечье шелеста травы.

Там,
Где на карте значится
Двуречье,
Ефрат и Тигр,
Я повела плоты
На Север,
Вдаль,
В поземки и туманы,
Где ясны звезды,
Грозен океан.

Мои владенья —
Лунные поляны, —
На них отыщутся пробелы
И изьяны...

Но мне в удел
Их свет небесный дан.

2010 г.

Забуть все то,
Что было.

Испить — высот,
От волн горячих Нила,
До Северных широт.
Чтоб все, что я любила,
Вновь ожило,
Вспарило,

Свершило свой полет —
Я с Богом говорила
Три ночи напролет...
И воздвигалась сила
В душе,
И таял лед
На дальних склонах мира,
Эльбруса и Памира,
И я мосты спалила,
Пошла сквозь реки
Вброд...

Октябрь 2012 г.

Я не знаю,
Куда он движется,
Этот странный души караван...
Тень бубенчиков
Чуть колышется,
Ловит отзвуки дальних стран.

Голос смолкнул.
Окрепла вьюга...

Слышишь,
Слышишь,
Идет буран.

И опять,
Чуть касаясь слуха,
Позывные далеких стран...

2009 г.

Я покинула дом
И друзей,
Магистрالی, проселки,
Обочины.
Путь мой соткан из звездных
Лучей,
И,
как пики,
концы их Заточены.

Я покинула всхолмия гор,
Океаны, моря,
Рек излучены.
Я ушла на великий простор,
Будто мне его судьбы
Поручены.

Только кем? —
Я сказать не могу, —
Имя Бога укрыто таинственно.

Путь мой бел,
Словно поле в снегу.

Соприродно,
Светло,
Все — единственно.

2009 г.

А.И. Тонконоженко

Душно. Тесно.

Непокорно

На душе.

И тяжесть дум...

Только стало вдруг просторно, —
Ветер Севера подул.

И взметнулась жизнь,
Как знамя,
Всколыхнулась земля.
Гром небесный.
Молний пламя...
Радость.
Горечь бытия.

Всё сойдется. Всё обманет.
Все пройдет и пролетит.
Только этот синий пламень
У меня в душе горит, —
Цвет лазоревый, сердечный,
Теплый цвет травы-полынь...
Путь далекий. Ясный. Млечный...

И горячий свет пустынь.

2012 г.

Я окинула взором равнину

По которой мне должно пройти.
Я поведала Богу кручину, —
Ту тоску свою, —
Жажду пути.

Но молчали и степи и горы,
Небо выслало дождь проливной.
И шумело далекое море,
Разбивался о берег прибой.

Никого на великом просторе,
Кто услышать мог
Голос бы
Мой.

Я призвала к спокойствию
Душу, —
Я велела ей:
«Не роптать!..»

И прошла я моря те,
Как сушу,
Пядь за пядью...
И стало светать...

Май 2013 г. - 27.01.2014 г.

И каждый день
Я открываю
Двери

В простор,
В открытый хаос дней.
И что ни день —
Надежды и потери.
Холодна изморозь...
Неверен свет огней.
И снег идет.
Холодный снег свиданий.
И свет любви
Закапан
Воском слез.
Уходит память
По стезе преданий.

А я стою,
Опять стою на грани
Рассудка и стихий.

А ветер шарф
Унес.

2009 г.

А где-то там,
А где-то там
Живет другой страны
Пространство.
И властно требует оно
Моей любви
И постоянства.
И я лечу к нему
Рабой,

И в ноги падаю
Как птица.

И я не знаю, что со мной,
Со всей страной моей
Случится.

2010 г.

Два города
Две вечных правоты,
В моей душе
Две огненные вспышки.
Монументальность,
Разворот,
Домишки —
Мой Ереван.

Стихии мощь — Москва.

Два притяженья.

И душа меж ними
Кружит,
Как мотылек,
Боясь присесть...

Два города,

Два имени.
Над ними —
Приподнимусь, —
Чтобы сказать: «Я есть!»

III Распался век

*Прощай,
Двадцатый век!*

Распался век.
Гранатовую кровью
Течет его громада
Руслом рек.
Он был моей надеждой
И любовью.

Моей судьбой.

Прощай,
Двадцатый век!

А двадцать первый —
Не моя забота —
Иным здесь праздник,
Здесь иным уют.
Им всем пути
Прочертит в мире кто-то.
Но для меня там места не найдут.
И где оно?
Навряд ли я узнаю,
И что есть Бог,
И что есть глина лишь?..
И я в догадках голову ломаю,
А мне в ответ ухмылки
Или тишь.

2009 г.

Мы выпали все из контекста.

Эпоха не нами
Красна.
Нет имени нам здесь
И места,
Не светит звезда
Ни одна.
Ни жердочки нет. Ни насеста.
Одна лишь морока
Креста, —
Нести неподъемное бремя,
Ступить в злой печали
Юдоль...
Гуляй,
Бесприютное племя!...
Глотай
Непечатую боль!
Дорогу в снегах и камнях
Прими
И откушать
Изволь!..
2011 г.

Эпоха уходит на дно.

Сошла,
Окочурилась,

Сдохла.

Закрыла в пространство

Окно,

Под всеми дождями

Промокла.

Истаяла,

Как леденец...

А мы — ее дети и внуки.

На нас ее скорбный венец,

И в нас ее смыслы и звуки.

Начало ее

И конец.

2012 г.

И века грядущего

Птица

Летит,

И дымится стезя...

Мне шум ее крыльев

Раскидистых,

Снится

Иль с ветром играет гроза?..

Спасть бы,

Посторониться,

Закреть бы на миг хоть

Глаза...

К высокой скале

Прислониться, -

Авось пронесёт.

Да нельзя...

2012 г.

IV
Умер наш
Союз...

*В моей душе
Ещё костёр
Дымится...*

У кого — дела.
У кого — обуза.
Этот тяжкий груз —
Гражданин Союза...
А Союза нет —
Лишь одни ошметки.

Ни родства, ни уз —
Лишь штывы да плетки.

А над всей страной
Дым пожарищ
Горький. —

Умер наш Союз,
Как ребенок кроткий.

2012 г.

И я хотела всех покинуть,
Уйти,
Забиться
И не знать.
Вериги долга с сердца
Скинуть,
Или огню его предать.

И не стремиться к миру
С Богом,

Идти со всей Вселенной
Врозь.

И я писала дерзким
Слогом,
Словами горькими
От слез.

2014 г.

И пусть история перевернет
Страницу,
И,
Ослепленная,
Плутает и бредет
Куда глаза глядят.

А я хочу забыться,
Отрешиться,
Уснуть навеки
У чужих ворот.

В душе моей еще пожар
Дымится...

Дым небеса
Окутал
И плывёт...

17.01.2014 г.

Эти шапки с верхами,
эти лисьи хвосты
Матерели и брали
Всё подряд.
И бразды.
Я бы шла по дорогам. Я ушла бы в леса —
Не прибиться к порогам.
Не осилить креста.

Рано жизнь обмелела. Продолжает скудеть.
Слишком мало посмела.
И уже не посметь.

Мне пора измениться.
Никого не корить.
Время кончилось.
Вышло.

Надо многих простить. Но пока — не умею.
Но пока — не могу.
Я молчу. Цепенею. Перед миром в долгу.
Или мир мне обязан? Где отыщешь ответ.
И преступник не назван. И прощения нет.

2008 г.

Мы живем в пустоте.
Мы живем на юру.
Дом стоит наш в нигде, —
На холодном ветру.

Может, выстоит ночь.
Может, сгинет к утру.

Закричит воронье.
Филин ухнет в бору.

Мне за здоровье невмочь
Пить на этом пиру.

Кто предал, тот и свят,
А кто верен — тот пес.

И себе он не рад

Нищ,

Обобран

И бос...

Говорю, а сама,
Задыхаюсь от слез.

2008 г.

Нас столкнули
С дороги,
Нас бросили в прорубь,
С нас стянули рубаху,
Пустили в разнос...
Охватила нам душу
Нежданная одурь.
Наш экспресс разогнался...

В землю мёрзлую врос...

Мы простыли, продрогли,
Ветер помыслы рушит,
Приближаются тучи с грозой...

И не стало нам места
На море и суше,
Наше поле заносит.
Конь упал вороной.
Окружили нас злобы
Ненасытные звери,
Скалит зубы волчица...
И волк у тропы...
С неба на землю падают
Чистые птицы...
И шумит суховой...
И не стало мечты...

05.12.2013 г.

И в душе моей кружатся
горькие
Мысли:
Как сберечь,
Охранить мне моря,
Чтоб на Каспий чужие не
вышли,
И не встали здесь на якоря?
Чтоб хранил нас Господь наш
Всевышний,

И над Волгой горела заря?

Я прошу его сердцем чуть
слышно,
(Разум слаб мой и думы
черны...)

Не Украины город Одесса,
А оКраина нашей
страны!..

Но молчит безупречная пресса,
Иль мосты уже все сожжены?
И такая меж нами завеса,
Что превыше китайской
стены?..

Ни зонта надо мной, ни навеса.
Я иду кромкой
Старого леса
По осколкам
Великой Страны...

2012 г.

V
Бейте в колокол! В
набаты!

*Я молю —
Не стойте с краю
В трудный час
Земли своей!..*

Нас затиснули в поезд,
Что летит под откос...
Я кричу: «
Придержите!»
Только грохот колес...
Только белые хлопья...
Только сизый туман.
Безвозвратности повесть
Заполняет экран...

2012 г.

Я споткнулась,
Я упала,
Как былинка,
Гнусь...

Время грозное настало,
На кресте меня распяло,
Душит кольцами удава.

Катит огненная лава
На меня
И Русь.

07.01.2014 г.

Я боюсь за Россию

Больше,
Чем за себя.
Хоть меня не просили,
Говорили:
«Напрасно!»
Повторяли,
Что зря.
Только так привелось мне,
Так легло на роду...
Я здесь Слову училась
В сорок первом
Году.

2012 г.

Над Непрядвой лебеди кричали,
И опять, опять они кричат...
А. Блок
Я устала.
Мне трудно.
Мне больно.
Задержалась.
А после сама
Отлучилась туда,
Где привольно,
Где светло, лучезарно,
Раздольно

Мне сходить понемножку с ума,
Разбазарив и близи и дали
Побрякушками, горсткой монет....
О, как лебеди громко кричали,
От разлившейся морем печали,
Косяком налетающих бед...

И лица их мы не различали,
Мы ослепли на тысячи лет.
И лежим мы в высокой осоке,
На безлюдном болоте,
Во мгле.
Не в шелках и не в позолоте,
Руки вширь раскидав,
Как в полете,
Поскользнувшись на повороте,
На своей богоданной Земле.

2009 г.

Что мне теперь
До синего моря,
Что до его бирюзы?
Что до страны,
Где ни лада, ни строя, —

Что твоей и не стоят
Слезы?..

Только не стало мне
Сна и покоя,
Душу знобит,
Как от волчьего воя...

Не полыхнуло б грозы.

2008 г.

Ограблена,
Замаяна,
С разбитыми крылами,
Славянами покинута,
Лицом к лицу — с врагами...
Отчизна сокровенная,
Любимая до боли. Заветам
Божьим верная,
Взметнись!
Взлети! —
Доколе
Цвести бурьяном в поле,
Забыв былые роли
Во тьме плутать,
В расколе?..

Терпеть ярмо неволи, —

Скажи! Ответь!

Доколе?!!

2013 г..

Бейте в колокол!
В набаты!
Сердце бедное —
Гори! —
Расхищают, грабят хваты
Шар Земной
И алтари...

Все на откуп, на потребу
Золотого их тельца.

Поклонись
Земле и небу!
В помощь призови
Творца! —
Чтоб рассеять злую стаю
Ядовитых, черных змей...

Я молю!
Не стойте с краю
В трудный час земли
Своей...

2013 г.

Н.И. Дорошенко

Сковало холодом равнину,

В умах и душах —

Разнобой.

А Вам идти сквозь ту

кручину,

Сквозь лихолетье

И разбой,

И жечь в ночи свою лучину,

Слегка прикрыв огонь рукой,

Чтобы его не загасили

Ни ночь, ни мгла,

Ни суд земной.

Чтоб чуть светлее стало

В мире,

Чтобы мы Господа любили,

Чтоб со звездою

Говорили

Под шелест трав

В ночи глухой.

2012 г.

...Но как жива еще душа!

Как просит пира

И надежды!

И лижет с кончика ножа

Росинки дней,

Смыкая вежды.
И обретает крылья вновь, —
Орлиный клекот в горле
Бьется.

Сбивает дерзко,
Круто кровь,
Наотмашь бьет,
И в небо рвется.

VI
Мы в обноски эпохи
Облачены

*Без Великой Идеи
Не бывает Великой
Страны...*

Мы живем на обломках
Великой страны.
Без Великой страны
Не случиться и нимба
Поэта...

Мы в обноски эпохи
Облачены,
Отгремевших величий,
Отсиявшего света.

На ладони уместится
Наша судьба,
Да и сгинет,
Уйдёт без возврата...
Если памяти сердца
Иссякнет тропа,
На кресте если совесть
Распята.

2012 г.

Без Великой Идеи
Не бывает Великой
Страны.
Ну а мы оскудели
И себя проглядели.
Мы смертельно больны.

Наше воинство Духа
Тихо двинулось вспять.

Хоть зови,
Хоть аukai —
Не видать,
Не слышать.

Небо пасмурно,
Глухо.

В поле плачет разруха,
Как над сыном — старуха.

Голосит —
Не унять.

2012 г.

Я из прошлого величья,
Из совсем другой страны.
В темном поле сердце кличет
Отлетевшей были сны...
И куда не кинешь взгляда, —
Все утрата.
Все мираж.
И зачем, какого льда
Здесь разыгрывать кураж?
В цикле горестном распада
Я сама себе не рада, —
Так ничтожен мир...

И я —
Лишь осколок,
Скальный сколок,
У замерзшего ручья...

Переправы лед так тонок.

Под снегами Русь моя.

Апрель 2013 г.

Двигается смута на Русь,
Крылья совиные —
Смута.

Я предсказать не берусь,
Кто здесь Пилат,
Кто Иуда...

Ветер пронзительный в грудь
Тычется...

Воет выюга.

Солнце исчезло из глаз...
Бездна ощерилась люто...

Цезарей нет у нас...

Тень промелькнула Брута.

Где же я сил наберусь
Клещи раздвинуть
Спрута?..

2012 г.

В чужих демократиях
греться?
В своей —
Исходить от тоски?..

Куда мне от этого деться,
В какие зарыться
Пески?
К какому мне двинуться
морю,
В какую податься тайгу?
Я с временем больше не
спорю,
Смириться я с ним не
могу.

Я дверь за собою
прикрою,
Уйду в беспредельность,
В тайгу,
Бродягою,
Нищей с клюкою,
Но душу свою сберегу.

2011 г.

Я уйду,

Я уеду,

Я исчезну с экранов, —

Плотно дверь за собою,

И назад — ни ногой —

Без хлыстов и наганов

Да под бой барабанов,

Словно стадо баранов,

Нас ведут

На убой!

Как потом собирать будем

Белые косточки,

Братья?

Где отыщем себя,

На задворках каких городов?

Я надену свое

То,

Что до полу, чёрное платье,

Чтоб сиять в белизне

Мне летящих на плечи

Снегов.

2012 г.

У каждого поэта свой

Дантес.

У каждого поэта свой

Мартынов.

Они идут тебе наперерез,
Как дождь,
Как снег,
Стеной идут,
Лавиной...
И не поможет зонт или навес.
И ты в минуту эту
Должен сделать выбор:
Принять их вызов,
Или отползти,
На милость победителей
Отдавшись.

Но где тогда
Покой мне обрести,
Горячею щекой
К снегам Москвы
Прижавшись?..

2011 г.

Пощады не ждать нам
Во времени
Зряшном.
Пощаде не быть
Нигде,
Никому —
Ни волкам, ни овцам,
Ни уткам домашним,
Пощады не будет ни славным,
Ни падшим...

Горит горизонт,
И округа в дыму.

И как охранить,
Как спасти свою душу,
Как малых детей от беды уберечь? —

Огонь охватил океаны

И сушу.

Яви нам подмогу,
Владычица — Речь!...

В последнем усилье,

Горячем и чудном,

На твердую кромку

Спасенья

Ступить.

В пути бесконечном,
Бессрочном и трудном

Из чаши небесной

Бессмертье испить!..

2011 г.

*Отклик на статью Н. Дорошенко
«Сталин преткновения»*

Здесь

«Быть или не быть» —

Как сердце

Раздробить.

Здесь всё переплелось,
Здесь всё болит,
Всё жжется.

Как трудно истина
Душе моей дается.

Как переливчата,
Изменчива она.

Как надо мной
Та истина смеется.

Я изувечена и тяжело больна.

А смех —
Раскатом,
Через гор
Вершины.

И долетел, И взмыл до неба он!..

Смеется жизнь!
Меняются картины!

Меняются местами
Явь и сон...

Что было сном — то обернулось явью,
Что было явью — стало сном...

Как меч остер.

Клинки сверкают сталью.

И солнца круг
Ушел за окоем.

Куда теперь
Я бег коня направлю,
Проходит где
Тот сердца Рубикон?
Кому погибель,
И кого прославлю,
Кому здесь каяться,
И будет кто казнен?

Где потеряешь?
Где найдешь неожиданно?
Какою истиной
Утешишь сердце ты?
Как близко всё.
Как далеко.
Как странно
Восходит дух
Из гиблой пустоты.

2013 г.

Обогрей меня,
Боже,
Светом сердца окутай.
Предо мной — бездорожье,
Чаша с едкой цикутой.
Обо мне,
Светлый Боже,
В час мой трудный
Подумай, —
Дай испить мне твоей правоты,
Если я — это я. Если ты — это ты...

Хлеб мой горек. Бесплодны сады.

Одиночества черная птица
Завелась в моем сердце,
И в думах гнездится...

Мне неможется,
Боже,
Не спится...

У ворот моих нечисть толпится,
Крови жертвенной ждёт...

Дай уйти мне

В высокий
Полет!..

2013 г..

80

Принимайся ж, душа,
За дело,
Рук не покладая,
Сотвори
Собственные правила удела,
Где лишь праведники правят,
Не цари,
От зари — до ночи,
Без предела.
Передышки. Прочерка. Пробела.
Как свеча пред алтарем, — Гори!..
И к тебе придут моря и веси.
Расположатся стада у самых ног.

Всё молчит.
Но светлое Предвестье
Возникает.

Или просто Бог.

2010 г.

VII
Там дом
Спалили
Мой...

*Идут на снос
Эпохи и дома...*

Я замесила воду,
Щебень,
Глину,
Чтоб каждому приют
И угол свой.
Но грубо всех нас вытолкали
В спину —
«Гуляй где хошь, Покедова
живой!»

И все ушли.
Из глаз ушли.
Из виду.
Покинули, быть может,
Шар Земной.

А я стою.
Я здесь, у края,
Стыну, —
Мне некуда идти, —
Там дом спалили мой...

2011 г.

Я здесь жила.
Не ласково, но длилась
Моя судьба среди тысячи судеб.
Но я потом в собаку
превратилась, —

То кость грызу.
А то подбросят хлеб.

Я не ропщу.
Ну а когда я сгину, —
Я вспомню скал своих
Оранжевую глину,
И ветром Севера
Коснусь лица
Берез...

Я вспомню многое.
Я многое забуду,—
Идут на снос
Эпохи и дома...

Как мне собрать
Обломков этих груды,
Как мне прожить
И не сойти
С ума?..

2010 г.

Куда иду,
Впотьмах,
По льду,
Навряд ли знаю.
Какое горе и беду
Я сердцем прозреваю?

И что за птицы на ветвях,
И чья в них память?
В каких пустынных городах
Сегодня замять?

Летит тяжелый мокрый снег
На сон предгорий.
И никого уже там нет,
Пуст круг застолий.
Лишь только белая пурга,
И лютый холод.

И пали темные снега
На белый Город.

2009 г.

Алле Шараповой

Я стою на далекой глухой
борозде,
Я живу в деревеньке
С названием «нигде»...
Словно щепка, плыву
По холодной воде.
Мне заслоном не стать
Неминучей беде.
И в заветы не сложены строки.
Жизнь летит, словно шальные
дроги.

Но ни зги. Ни тропы. Ни дороги.
Разметались по миру страницы.
Не страницы, убогие птицы, —
Носом тычутся в пеструю мглу.
Я поднять их в полет не могу.

Не могу вознести на скалу.

И неможется мне.

И не спится.

Стала Родина мне — Заграница.

Разменяла и лики, и лица.

Встань, страна!

Отзовись ей,

Столица!..

2010 г.

Как мне пробить в густом тумане

В иное измеренье путь? —

Горят преемственности стяги,

Как пламя сбить,

Огонь задуть?

Как мне добыть свою победу,

К каким мне истинам прильнуть?

Восстать из сумрака преданий

И в небе молнией сверкнуть?

Как мне вернуться

Из скитаний

К самой себе,

Когда-нибудь?..

2013 г.

И время мне догнать
Не удастся.
Стезя его парит,
Плутает,
Вьется...
И необузданна она,
И горяча...
Роняет воск
На талый грунт
Свеча.

И фитилек горит
И угасает...

А что стряслось со мной
Давно никто
Не знает.

2008 г.

И вожжи как ниточки,
Рвутся,
И кони пускаются

Вскачь.

И надо мною смеются.

Смеются они,

Хоть плачь...

Я б закуталась в овчину,

Слезы тихо бы лила,

Я б зажгла свечу,

Лучину,

И на печь впотьмах

Легла.

И потолок так низко, низко.

Жизнь — холоднее,

Чем зима...

Все далеко.

Все близко,

Близко.

Мне не понять —

Где я сама...

2008 г.

Сыну

И снова жизнь

Без дома и пути.

И снова жизнь

На шумных перекрестках.

Все меньше золота
В моей горсти,
А на одежде
Стали гуще блески...
И просто, просто
Будет умереть,
Как оступиться
В темень и трясину.
Закрывать глаза,
И ничего не сметь.
А звезды пересыпать
В руки
Сыну.

Расколется южная ночь:
Небо -Арбузом спелым,
Месяц — надрезом белым.
Сердце расколется ночью -
Слезы,
Как дробь,
На ладони.
Чья это грусть-бессоница
В темном оконном проеме?
Кто это плотно и тихо
Крыльями к полу припал,

Чья это боль-повилика
В холоде лунных зеркал?
Кто это там так заученно
Звук повторяет один,
Будто скрипит уключина,
Молится муэдзин?
Чьи это длинные руки
Трогают стебли травы,
Кто разбудил эти звуки,
Шорохи,
Шелест листвы?
Кто неприкаянно ходит,
Тычется в плесень углов,
Ищет и не находит
Тени утраченных снов?

Суметь отодвинуть,
Отторгнуть
Скорлупы убогого дня,
Пред новой свободой
Не дрогнуть,
И что-то иное припомнить...

Но что? —
Не
додумала я.

Не чудную ль тайну спасенья,
Не морок ли дальних дорог?

Что нет и не будет смиренья?..

А полночь ломает висок,
Что прожито все уж и спето
Народом ли, родом моим,
Что я затерялась.
Я где-то
На просеках северных зим.
Что ярче, все выпуклей, ближе,
Мне видятся меты конца.

И прядями осени рыжей
Я слезы стираю
С лица.

Я лягу под телегу,
Усну на голом
Льду
Под ветошью,
По снегу
Во сне домой
Уйду...

Хоть не было мне дома
Нигде и никогда.

Шуршит с боков солома,
Вот-вот взойдет
Звезда.

И тихо и тревожно
В моей степной глуши.

И все уже возможно
Для странницы
Души...

Спите,
Души усталые струны,
Что вам уснувшую память
Терзать?
Что вам
На сырых болотах
Безлюдных
Песню о прошлом
великом
На лунных,
Скудных делянках своих
Затевать?

Россия возвратится
На Кавказ,
Такой мне вышел сон,
Прозрение,
Наказ.

Был гением Петра

Нам этот путь означен,
Смертями воинов,
Слезами вдов
Оплачен...

Сюда ходил войной
Когда-то
Красс.

Сошлись здесь говоры
Племен,
Народов,
Рас.

Растут могилы, разделяя нас.

Но слово — Бог.

Я слышу его глас:

«Россия возвратится на Кавказ!»

VIII

Уступы судьбы

Со всей страной говорить

Всем горлом,

Всем ознобом...

Проходят дни
В каком-то странном крене,
Где тыщи нищих,
И один — богат.
Ушли надежды,
Как стада олени, —
Ушли,
Исчезли,
Канули в закат.

На всем пространстве ничего иного
Я не могу увидеть,
Различить.

А дни идут, текут
Скользят полого...

Но вот куда? —

Мне некого спросить.

И я стою на гулком перекрестке,
Где жизнь и смерть так тесно
Сплетены.

И грунт горюч,
Горючее известки.
И души временем
Шальным
Опалены...

2009 г.

Нам дали легкие свободы —

Изволь —

Пиши, дыши, греши.

Отняли фабрики, заводы,

Высокий строй моей души...

Мы все молились на свободу,

А нам скормили произвол...

Иль мы не там искали броду,

Не в ту ступили,

Сдуру, воду,

Не по плечу она народу,

И не про нас ее камзол? —

Взрастили гнусную породу,

Что нам сулит разор и мор.

Поклоны поясные — Сброду.

И правит балом плут и вор.

Мы карт засаленных колоду,

Где нету выбора меж зол,

Тасуем ту же

Год от году,

Король ее исконно гол...

Гремим: «Ура!»,

Вздыхаем чарки.

А ветер хлещет лобовой...

Срамные девки.
Олигархи.
Рок произвола над страной...

2012 г.

102

Уйти,
Уехать,
Далеко.

От всех ничтожных
Отделиться.

Уплыть,
Отчалить,
Ров водой
Залить.

От стад отбиться.

Но пестовать тогда —
Кого?
Кого любить,
О ком молиться?

Иду...
Побежденные рати
Глядят из низин на меня.
И нужно еще их поднять
мне,
И вынести всех

Из огня.

Какой испросить мне
награды
За путь,
За мучительный тот,
Расстроенным строем
баллады
Вступая в ночной
Небосвод?..

Пока Чубайса время
длится
В стране не ждите
перемен.
Страна расплавится,
Раствлится
В огне предательств

И измен.
Он — словно траурная
птица
Глядит на нас
С кремлевских стен.

А я хочу стрелой
вонзиться
В чужую рать.
И встать с колен.

2008-2014 гг.

Наше время — как бурное море, —

Шатко,

Зыбко,

И не уловить.

И змеєю оно,

Мне на горе, —

Сто голов!..

Ни одной не срубить.

И смеется оно,

И клокочет,

Острым жалом вонзается

В грудь.

И пронзительно, дико хохочет,

И велит мне с дороги свернуть

На тропу,

В захолустье обочин,

Будто путь мой навеки

Окончен...

Я не воздух глотаю, —

А ртуть.

04.2013 г.

Покоя нет. Уюта нет...

А. Блок

Мы боремся,

Пока нас не убьют.

Мы рвем зубами

Цепи и поводья...

Как ненавистен нынче мне Уют,

Ни свойственный ни людям,

Ни природе...

Как зайцу осину

Голодной зимой

Себя мне глодать

И глодать...

Мне не с кем,

Как с равным,

Выйти на бой,

Мне некому бой

Проиграть.

В глухую темень,

Словно в монастырь,

Пусть,

Наказуя,

Бог меня запрячет.

Куда меня завел

Гордины

поводырь?

Отчаянье души,

О, кто тебя

оплачет?!!

Но в сырмять
вожжей
Впрягая неба ширь
Отваги конница,
Сбивая звезды,
Скачет.

Мне надоело кланяться прохожим,
Украшившись смиреньем
Ложным.
И подставлять себя рогам,
И заикаться по слогам,
Молчать,
(В который раз по счету!)
Когда на глотку наступили,
И делать всякую работу,
В рукав запихивая
Крылья.

Но с каждым днем
Трезвее,
Тверже, строже
Я познаю свой долг —
Свой долг,
А не права.

И я смиренно кланяюсь прохожим
Запихивая крылья
В рукава.

Мне не выиграть здешних

Сражений,
И на поле моем
Ничего не цвело,
Кроме маков моих Поражений.

...И пред поверженностью той
Я, голову склонив,
Стояла...

Казалось лето
Мне зимой,
И небо слёзы
Источало...

А впереди был ближний
Бой,
И праздник нового
Начала!

2013 г.

И это кончится,
И это отойдет,
Другая полоса
Надвинется,
Ликуя.
Чтоб каждому пришел
Черед
Сказать Вселенной тихо
«Аллилуя»

И забывая тяжесть всех вериг,
Ловя глазами
Дальние сиянья,
Благословить ее
За этот краткий миг,
Тебе дарованный
Короткий миг
Сознания.

IX

Но всё-таки я есть!..

*Латать и лечить
Современности драму.
И править безумия
Речь!..*

Я стою на гулком перекрестке.

В клещи взял меня

Полуночный мороз.

Никакие ветлы, ивы и березки

В будущее мне не перекинут

Мост...

Жизнь моя,

Мои цветные блески! Охрани!

Не подведи!

Не брось!

Подари хоть ветошь,

Хоть обноски,

Светляков в вечернем небе

Гроздь!

Не хочу в петит идти

И в сноски,

Подставляя ладонь

Под ржавый

Гвоздь! —

Пусть стоит мой дом,

Не яркий и неброский,

Скроенный из света,

На авось.

2009 г.

Я вижу,
Как уходят поезда,
В чужую жизнь,
В чужие города, —

По насыпям
Из слез.

По бересте
Берез...

Мне все равно,
Куда их Бог Занес...

1999-2002 гг.

А время мчится,
Как собака,
Которой обруббили
хвост,
Как будто бешеное
стадо, —
И нет ни знамени,
Ни флага...
И я кричу: «Потише б
надо!»

Но всё уже идет
вразнос.

И бьются люди —
Мусульмане
И христиане
В западне,
В каком-то сне
Или дурмане,
А кто-то скачет на
коне,
А кто-то мимо на
аркане,
А кто-то виснет на
кресте...

О, кто б плеснул
Мне в ковшик
Браги,
Чтоб мне не
слышать
Вести те.

2012 г.

Вернется ль снова
Былая слава,
И стать былая, и дум
размах?

А даль опасна,
А даль лукава...

И сердце гложет,
Снедает страх...

2011 г.

О, этот страх,
Он душу мне
корежит,
Дремучим лесом
Прорастает в снах.
Печали длит,
И горе множит,
И волком воет
На семи Ветрах.

2011 г.

***.

Но хоть качает и
гнетет
Меня неведомая сила,
Итог я знаю наперед:
Кому — века,
Кому — могила.
И не виденье,
Не мираж, —
Мне голос был с
небесной Кручи —
Россия — взмах,
Крыло,
Полет

В своей безгрешности
Могучей!..
Не за горами
праздник наш.

А ветер гонит снег
колючий...

2012 г.

И кто-то сдался,
А кто-то нет.
И превратил он
Свой путь в Завет.

В завет кому-то.

Бог весть, кому...

А смута — колом
У нас в дому...

И не осилить, не
отменить.

Но полно, полно
Нам слезы лить!..

Хоть вьется вьюга,
Метет пурга, —
Бела округа,

Белы снега!..

2012 г.

Упрямо, Упрямо,

Хоть сердце —

Как рана,

И трудно себя

уберечь, —

Латать и лечить

Современности

драму,

И править безумия

Речь.

И снова нива слов

Взрыхлилась,

И ветер запахал между...

Ко мне явили боги милость, —

Осколком солнца я пишу.

И снова радуга повисла

Над тихой.

Призрачной водой...

Качнула баба коромыслом

В далекой древности земной.

Опять горит перо жар-птицы,

Земля в Галактиках плывет...

Мешая с былью небылицы

Перо то плачет,

То поет...

И хоть меня убили,

Как издревле велось,

Как в той далекой были,

Ладони раздробили

И в сердце вбили гвоздь, —

Я всё-таки меж вами —

Невидимая Весть.

Темно и пусто в Храме.

Но всё-таки —

Я — есть!

2009 г.

Если ты умираешь,

Но бабочка из тебя

Вылетает,

То ты не совсем

Умираешь.

Х
Мы живем в окаянное
Время...

*...Клятву дать
О возмездьи
Пред Богом...*

Предчувствие бед,
Как острая стрела,
Меня порою до кости

Пронзает...

Я этой ночью зябкой не спала...
А сон придет — и вновь с ресниц
Слетает.

Мне виделось,
Что рушится страна,
Что с молотка ушли миры
И люди.

Какого же, скажите мне,
Рожна
Живете вы,
Как Древний Рим,
Во блюде?..

Идут века.
Вы в непробудном сне.
Земля — Звезда.

Она сойдет и канет...

Все это виделось сегодня ночью
Мне,

А чай остыл,
Замерз в моем
Стакане.

Люди — управляемое стадо,
По дорогам,
Согбенно,
Бредут.
Но идут они туда,
Куда не надо, —
То их пряник манит,
То их гонит кнут.

И темны так стали горизонты,
Тучи по небу,
Распластанно,
Плывут.
Кончились победы,
Пьедесталы,
Взлеты, —

Испытанья горькие нас ждут.
Мы же уповаем на соломку,
Все мы тщимся бури
Переждать.

Полно,
Люди! —
День зашел за кромку,..
Как в предгрозье,
Нечем мне дышать.

2013 г.

О если б кто знал,
Как постыли мне лики
Вождей и трибунов —
Апостолов лжи...
И вновь роковые, опасные
Стыки
Проходит наш поезд,
Креня виражи.
И в чьих-то руках
Тормоза и штурвалы.

Мне имя их —
Пусто.
И вовсе ничто.

Уходят составы,
Сквозь ночь и заставы.

Куда и зачем?
Не ответит никто.

2009 г.

Памяти Гены Цуканова

Мы живем в окаянное время,
Ставит меты свои и клеймо.

Гнет к земле,
(Не расправиться!)

Бремя,
В одночасье не сбросить ярмо.
Но столкнувшись с чужими мирами
Нелегко затупить вражий меч.
Мы уходим глухими дворами
Чтобы в целости души сберечь.
Хоть никто нас не ждет за порогом,
И не послан с небес еще знак,

Но,
Прибившись к дощатым заборам,
Где полег под ветрами
Сорняк,
Клятву дать
О возмездье
Пред Богом, —

Мне иначе не выжить
Никак.

Над строною вновь сгустились

Грозы,
Пошатнулись рощи и леса.
А поэты воспевают розы,
Будто бабочки они
Или стрекозы,
И поют весну на голоса.

Я иду туда,
Где жгуч терновник
Прозы, —
Потянулась трудная верста.
И по ней
Идут с добром обозы,
Через рытвины,
Обвалы
И сквозь слезы —

Вмятина в земле
От колеса.

2012 г.

Мне не понять,
В какую тьму
Мы двинуться,
Уйти сумели?
Какую выбрали корму,
Нарвались на какие
Мели?

И в пояс кланяться кому,
Какому пню и пустомеле?
И руслом плыть какой реки,
И на каких жить перекрестках?

Я снова делаю круги...

Но шатки времени подмостки...

* * *

И руками обеими
Я снимаю венец, —
Дальше, дальше от ласки
Этих грубых сердец.
Обиралы и нищие, —
То ли люд,
То ли сброд...
И песками пустыня
Забивает мне рот.

Но песками пустыни
Каждый смертный
Идет.

XI
Мне здесь
свое
Слово
сказать

Слепиться в храм.

В надежду.

В свет.

В простор...

Идет угашение русской свечи,

Идет угасанье.

И ты хоть кричи,

И хоть не кричи,

Не сдвинутся с места созвездья

В ночи,

И солнце лукавит,

И прячет лучи,

Морозами жжет мирозданье...

И негде уже головы преклонить,

И в рост распрямиться не смея...

На твердь при морях

Ноге не ступить,

Корма покачнулась,

Иль время?

Но вспыхнуло сердце:

«Нам быть иль не быть?»

В ответ чутко звякнуло стремя...

И низко пошли облака вперебой.

Стемнело.

И ветром проняло.

Померяться силой с самою судьбой

Нам время пришло

И настало!

2011 г.

141

Когда стирается с лица земли

Держава,

Я не могу ни плакать,

Ни стенать.

Коль смертоносное

Ей впилося в тело жало, —

Меч занесен!..

Я не могу молчать!

И голову клонить,

И пестовать смиренье,

И отводить

От грозной были взор, —

Не сброшу я с души свой долг,

(О нет,

Он мне не бремя!)

И не уйду за дальний косогор...

Я говорю —

Настало наше время!

Наш день,

Наш час!

Со смертью разговор.

2012 г.

Как я дошла до жизни той,

Где на кон ставишь,

И принимаешь ближний бой,

Тот,

Непосильный, роковой,

И на тебя идут стеной?..

Но музыка взмывает с клавиш!..

Я ей кричу:

«Куда,

Постой!

Опомнись Бога ради!..»

И нам горнист трубит отбой.

Но музыка уходит в бой

Легко,

Как на параде.

2010 г.

Как тяжело,

Как трудно пересилить

Саму себя,

И прошлое свое.

Себя уздой натянутою вздыбить,

Сменить не панцирь быта, —

Бытие...
Но на аркане будущей страницы
И дров сырых мне хватит
На костер:
Спалить себя! Из праха возродиться!..

И я иду —
В провалы, в бездны, —
Сбыться!

Слепиться в Храм.
В Надежду.
В свет.
В простор.

Когда ты не в ладу
С эпохой.
Когда со временем
Вступил в неравный
Бой, —
Тогда — сплотись!
Живи в молитве строгой,
Не покидай
Надел священный свой!
Тогда восстань, воспрянь
Из пепла,
Взойди из тьмы
Вселенских катастроф
Над всем, что есть...
И стань дыханьем ветра,
Крылом грядущих к нам
Неведомых
Миров!..

Хоть бы все поднялись,
Встали бы всем миром!..
Ружья б рассмеялись,
И запахло дымом
На рассвете раннем
В воздухе остылом.

Проклятые ж Богом
Повалились в снег,
Не успевши охнуть,
Помолиться? —
Нет!
Под гусиный гогот,
Под собачий брех.

Или всем нам сдохнуть
Без дорог и вех.

Свободней,
Свободней,
И жест,
И движенье,
И ритму —
Свободы придай!

Вселенная — мир!
Неоглядность владений! —
Никто не заглянет
За край!...

Она мне являла
Счастливые знаки,
Я видела смерти слепые
Черты...
Но лбом наклонившись
К простору бумаги,
Гоню я сквозь бездны
Свободы плоты.

* * *

Я потеряла все.

Я все нашла.

Век на дворе стоит
Коварный,

Трудный...

Но я справляюсь с
тяжестью

Весла,

И ветер для меня теперь
всегда

Попутный.

Все оттого,

Что выгод не ищу,

И потому не понесу урона.

Не подниму ни меч я,

Ни пращу.

Но есть на свете честь!

Она —

Превыше трона.

Здесь насмерть я,

Не ангелы стою,
На скользкой глине,
Резком спаде
Склона.

Возможности мои —
Разбег коней
Крылатых,
И не накинута на них еще

Узда.
Но мне слышной
становится,
Становится все внятней
Веков минувшая страда.
Она как натиск,
Как движенье,
Бульжник в окна наших
дней.

Пошли мне Бог
Пред ней смиренье,
И свет в грядущее пролей!..

Здесь все — мое.

И все — со мною.

И я не стершийся пятак, —
Дорогу вымощу собою,
Вбивая в твердь земную
Шаг.

Я стану морем и строкою,
Свечою,
Озаривший мрак,
И землю я травой покрою,
Где пласт ее
Убог
И наг,
Я в душах храм любви
Построю,
И я пятно позора
смою
С лица земли.
Да будет так!
12.2013 г.

Моя нужда —
Она проста —
Не об избыточном я,
О насущном.
Мне нужен хлеб.
Нужна вода.
Мне нужен свет
В грядущем!..

Вот он,
Весь твой
Заколдованный
Круг, —
Бьешься,

Как рыба.

Сердцем исходишь,
И землю жуешь,
Гибнешь в предгорьях
Гуниба.

Вырваться хочешь.

Да нетушки,
Врешь!

С неба не ветер,
Не солнце,
Не дождь, —

Двигается черная глыба.

Но и меня просто так
Не возьмешь —
Слово мое —
Как заточенный нож —

Жжет!

Несгибаемо ибо.

Я горечь с души своей
Тихо
Стираю.
Я — есть.
Я — живу,

И как сокол
Летаю.
На времени мету я ставлю
Свою,
Костры разжигаю,
Молюсь и люблю.
Летит моя тройка
По самому краю.
И эту тропу
Я сама выбираю.

03.01.2014 г.

Что меня держит
На грешной
Земле?
Труден мой хлеб,
И память — в золе.
Камни дорогу мне
Преградили.
Скалы дороги мне душу
Взрастили,
Мир,
Океаны его,
Подарили!
Сердце — распахнуто,
Сердце — взыскует,
Взаймы не берет,
Пылает,
Ликует!..

05.02.2014 г.

Пусть я умру на улицах
Москвы,
Но в бой пойду,
Я не уйду в окопы.
И не укроюсь шелестом
листвы, —
Я лёгкие не выбираю
тропы.
По первопутку,
По камням, по льду —
Падения я превращу во
взлеты!..
Я на алтарь побед себя
Кладу —
В бессмертие идут —
Моих полков
Стремительные
Роты!

23.09.2013 г.

Быть верной себе, —
Не кому-то, —
Так мне мое сердце велит.
Хоть время ощерилось
люто,
И ворон зловеще глядит, —
Повсюду раздоры и смута,
Настанет такая минута,
Повергнет его,
Победит,

Не страж,
Не опричник Малюта,
А я,
Хоть мала и разута,
И нету меня здесь как-
будто,
И тьма в мои
Очи
Глядит...

02.2014 г.

Если смерть на тебя,
Ненароком,
Взглянула,
И ухмыльнулась,
И отползла, —
Не доверяйся!
Наставлено дуло
В сердце твое
Черной магии зла.
Змеи ползут на тебя
отовсюду,
Свет в твоём сердце
Ветрами задуло...
Не покоряйся!
И стой,

Как скала.

07.02.2014 г.

Жизнь летит со скоростью
ветра,
И задевает своим крылом.
Сорок тысяч слепых
километров
Надо пройти.

Остальное —
Потом.

Земля будет пухом,
Иль надгробием жестким,
Я не хочу о том рассуждать

—

Я,
Конечно же,
Не Маяковский,
Но,
Подобно ему,
Я пробую жить!
Говорить!
Утверждать!..

Хоть никогда не узнать
Результата
Вровень с высшим
Бесстрастным
Судом...

Хоть жизни тропа то
крута,
То поката...
Все-таки я не передвижу
Заката,
Словно царица,
Щедра и богата,
Мир все же слышит голос
Набата
Тех колоколен,
Что в сердце
Моем!

2012 г. - 06.01.2014 г.

Все дороги на счастье,
Ну а жизнь —
Для разбега.
Надо мною две власти —
Сердце — Альфа,
И дух мой — Омега.
По дорогам из камня,
По раздолью из снега
Я лечу,
Уповая,
И ничто не помеха! Где
пески вязки века —

Я — в грядущее века.
Тихий голос преданья...
Из чужбин, из скитанья...
Приходи,
Поклонись!
Я отдам тебе свет
Всех планет
Мирозданья...

25.01.2014 г.

Мир будет двигаться,
Идти, —
Мне сердце подсказало!
Он весь — во мне,
В моей горсти, —
И бездны.
И начала.
Все измерения его —
Пространства зов
И время,
И поле белое снегов,
И рык в пустыне зверя,
На травах утренних роса,
Метель и вьюга...

И голубые небеса
Разомкнутого

Круга!..

23.09.2013 г.

Мир без России

Не обойдется,

И будет горек

Его удел.

И шар с орбиты

Земной собьется,

Умолкнут звуки

Небесных сфер.

За горизонтом

Исчезнут птицы,

Не станет в небе

Лебязьких стай...

И тучи в небе —

Черной вдовицы...

А мне с тобою

Нельзя проститься...

О, ангел жизни —

Не улетай!

Мы ангелы проигранных
Сражений,
Герои поражений.

Мы — мертвецы.

Вглядитесь в наши
Лица —
Мы Боги и пророки.
Грядущего творцы...

12.02.2014 г.

Мы будем дышать еще
Воздухом чистым,
Себя осеним
Вольным духом полей.

И нету на свете
прекрасней

Отчизны,

Прекрасней Отчизны
Великой

Моей.

Где всё — бесконечно...

Где всё — несказанно...

Где нет ни больших

И ни малых ролей.

И рокот морей в душе

неустанно

Звучит

И смущает свободой
Своей.
Где песня весны —
Лишь короткая ласка,
На смену бураны и вьюги
идут.
И жизнь —
Лишь короткая,
Горькая сказка.

А слаще не сыщешь...

А годы идут...

2012 г.

Счастье жить,
Счастье быть,
Счастье растворяться!
Счастье этот мир любить,
Помнить,
Отзываться!
И дорогу прорубить,
И ветрам отдаться!
Слышать шорохи в ветвях,
Птиц рассветных пенье.
Имя Бога —
На устах,
И благодаренье, —
Что пришло,

То не уйдет,

Сложится,

Споется...

Время выправить полет,

Долететь до солнца!

25.09.2013 г.

Это синее море —

Мое.

Это грозное небо —

Во мне.

Моя воля на быстром

коне

Не сгорит в самом

жарком

Огне.

Обращу я свой взор на

Восток.

И на Запад его обращу.

Под ногами скала ли,

Песок, —

И во льдах я свой Путь

Проложу.

Не держу я ни меч, ни

пращу,

Только Крест.

Только света свечу.

Поднимайся,
Светило, Гори!
Разгони стаю черную туч!
Я омоюсь прохладой зари,
И копье мое —
Солнечный луч!

Я Востоку скажу —
«Я с тобой!»
Запад вымолвит —
«Не отринь»...

Я стою здесь библейской
Горой,
Средь тщеты и вселенских
Гордынь.

Третий Рим я,
Отчизна святынь,
Новой эры начало.

Аминь!..

Март - апрель 2013 г.

И мое — мое.
И твое — мое, —
Чтобы всюду лишь
Только свет — добро.
Чтобы дом стоял.
Океан гудел,

И любимый мой
Мне в глаза глядел.

Тяжко ходит мир
На больных ногах.
Я убью того,
Кто принес нам страх,
Кто свернул с пути,
И — за окоем.
Бог меня простит.
Вместе песнь споем.

28.01.2014 г.

И мое — мое.

И твое — мое...

«Хлеб насущный наш
Даждь нам днесь!»
Не затем беру —
Чтобы алчно есть,
А затем взяла,
Чтоб добро сберечь,
Руку хищную
Отрубить-отсечь,
На весь мир сказать:
«Да блюдите честь!»
Я не зло с топором,
И не вор с мечом,
И не сытого мира
Спесь...

Кровью сердца пишу,

Не простым пером, —

Я высокого неба

Весть!

28.01.2014 г.

И мы построим новый

Мир,

Мы — истины владыки.

И созидање — наш кумир,

Его святые лики...

Звенят,

Как сотни тысяч лир,

Поют,

Веков стальные

Стыки...

11.02.2014 г.

Замазываю в сердце

Щели,

Я глину мну.

В моей душе

Угасли

Огненные звери,

Я больше не хочу считать

Потери,
И удержать
Весь мир в живых

Хочу!..

И обретая вновь себя
Средь чуждых, призрачных
Обличий,

Россия-Феникс из огня
Восстанет вновь
В былом величье.

И синие птицы уйдут
В облака,
Скрепляя пространства,
Событья,
Века.

И сквозь падения и взлеты
Слетевших на душу мне
снов
Я снова вижу повороты
Судьбы.

Бросок пехоты...

Идущие на приступ
роты,

Как взрыв провидческих
Стихов!..

Ушла орда.
Уйдут и готы.
Востанут пламенные годы,
Сквозь все туманы и
невзгоды
На землю ниспадет
Покров...

Катится жизни стоцветный
Поток,
Дыбится,
Жжется,
Клокочет.
Скалы крошит,
Налетев на порог, —
Втиснуться в догму
Не хочет.

Странная жизнь.
Но страннее мечта —
Клин журавлиный мой,
Синий.

Вечно летит он в свое
Никуда,

Гнет
Своеволие
Линий...

Спасибо России,
Что есть и была!
Что лебедью белой
Над миром плыла.
Мне песнь ветровую
Просторов дарила,
Восточные корни свои

Не рубила.

И в них — твоя доблесть.

И в том — моя сила.

Что хлебом с руки,

Как умела,

Кормила,

В ответ никогда ничего

Не просила.

Теряла меня

И опять находила.

И, за руку взяв, —

Вела, Уводила —

Далеко, Далеко —

К заоблочной сини.

Всё выше,
Всё выше...
Спасибо России,
Что есть!
И была!
И пребудет вовеки!..

Шумите,
Дубравы!

Не молкните,
Реки!..

2011 г.

Когда в мои жилы
Втекает усталость,
И глухнет порывов
Горячих струя,
То я говорю себе —
Мало осталось,
Осталось немного,
Лишь самая малость,
И может удастся,
И может удастся
Великая песня
Немого пространства...

Синеет сумрак.

Лес молчит.

На плахе горизонта

Солнце рдеет.

Душа,

Освободившись от
вериг,

Так высоко парит,

Взмывает,

Реет.

Как я люблю ее такой,

В спокойном равенстве

С достоинством и
честью.

Земля моя,

Верни ее домой!

Ей плакать и кружить с
тобою

Вместе.

Уходит жизнь.

Текут года.

Текут в песок,

И в никуда...

А мне так хочется

Схватить

Рукою горы,

Ночи,

Небо,

Во что-то новое

Отлить,

И эту смесь вина и света

Не отрываясь

Пить и пить.

В моих протянутых руках

Душа —

Мирам высоким...

А ночь уснула на стогах,

Прильнула к всхолмиям

Пологим.

И тихо рожь в ночи шумит,

Колосьев поле льется.

Молчит,

Стихает,

Говорит,

И ждет восхода Солнца!..

Мне здесь и любить,

И работать,

Мне здесь свое слово

Сказать.

И черная,

Смертная копоть

Глаза мне не сможет

застлать.

Поэта путь

Печали слёзы...

Сверканье молний,

Шторм морей...

Но перед ним
Бедны все крёзы,
Топор бессилен
Палачей...

03.01.2014 г.

И все-таки есть
Прорыв
В неизвестность,
Прорыв в
беспредельность...
И сердце мое
Уходит,
Уходит в просторы
Вселенной
И вновь обретает свое
Бытие...

...И дух пробудился
И в небо вознесся.
Он выше звезды,
И верховнее солнца,
И сердце горит,
Рыдает, смеется...

Кого приласкает,
Кого приголубит?

Кого-то одарит.

Кого-то погубит...

Ладони к глазам своим

Приложи —

Увидишь —

Вдали кружат миражи, —

Плывут

И на землю

Спускаются круто...

Так счастье приходит.

Настала минута.

22 марта 2014 г.

ХII

ПОСЛАНИЕ БЛОКА, или Россия между Востоком и Западом

Одним из самых значительных произведений, написанных Александром Блоком справедливо считается цикл, состоящий из пяти стихотворений под общим названием «На поле Куликовом» и стихотворение «Скифы», которое можно рассматривать как логическое продолжение темы, обозначенной в цикле «На поле Куликовом».

И цикл «На поле Куликовом», и стихотворение «Скифы» на сегодняшний день представляются весьма актуальными, позволяющими рассматривать современные политические процессы в исторической ретроспективе и перспективе. Фактически в этих стихах Блока в безупречной художественной форме проведен широкий геополитический, цивилизационный и этно-психологический анализ отношений как противостояния и противоборства, так и возможного сотрудничества, консенсуса и союзов на всем Евразийском пространстве, в частности отношений между Россией и ее восточными соседями (цикл «На поле Куликовом»), а также России с Европой, значения России, как важнейшего элемента евразийской политической архитектуры, гаранта ее устойчивости (стихотворение «Скифы»).

Кроме того, Блок строит гипотезу возможного развития исторических событий, в случае, если из этой архитектуры будет устранен, или поврежден один из ее важнейших блоков — Россия.

Общим для цикла «На поле Куликовом» и стихотворения «Скифы», является подход к выбранным темам. Сегодня его назвали бы историческим, психологическим, геополитическим анализом имевших место и просматривающихся на перспективу возможных столкновений между основными акторами евроазиатского пространства, со всеми, неизбежно вытекающими из этого, последствиями. При том, что геополитический анализ в рассматриваемых произведе-

дениях Александра Блока подан в идеальной художественной форме, он безупречен и с точки зрения чистоты методологии подхода. В этих произведениях напрочь отсутствует идеологическая компонента, как выражение классовых, сословных, социальных интересов. И в этом смысле рассматриваемые стихотворения Блока стоят особняком во всей русской поэзии, не считая литературы Древней Руси, от которой, очевидно, и отталкивался, ведомый национальным сознанием и поэтической интуицией Александр Блок...

Придерживается этого подхода Александр Блок не только в цикле «На поле Куликовом» отсылающем нас к событиям 14-го века, но и в стихотворении «Скифы», хотя написано оно в начале 1918 г. уже после революции 1917 года, после окончания Первой мировой войны. Тем не менее, рассматривая противостояние Европы и России Блок ведом духом истории, где исконным объектом интереса противостоящих сторон являются территории, сферы влияния на больших пространствах. Этот интерес еще недавно назывался территориальным экспансионизмом, теперь же именуется геополитикой. Именно в этом ключе написан и цикл «На поле Куликовом» и стихотворение «Скифы». Прочтение их непростых, далеко не линейных, смыслов, особенно актуально в свете событий, переживаемых нами на нынешнем временном отрезке, все в тех же пространственных координатах Евразии, на котором разворачивались события поэзии Блока. Упомянутые произведения Блока роднит методология, историзм подхода в описании событий, но рознятся они эмоционально. И это — принципиальная разница, за которой кроется нечто сакральное, едва уловимое, но пренебрежение чем чревато катаклизмами мирового масштаба.

Тревожные интонации цикла «На поле Куликовом»

Парадокс цикла «На поле Куликовом» в том, что написан он в трагической, горестной тональности, хотя говорится в нем о величайшей исторической победе русских над восточными завоевателями. Такова же и лексика этого цикла: слова «кровь», «плачь», «пыль», «тоска», «мгла», «беда», «тучи» неизменно присутствуют в стихах цикла, настойчиво повторяются, создавая ощущение тревоги и недобрых предчувствий. Приведу две последние строфы из первого же стихотворения цикла «На поле Куликовом»:

«И нет конца! Мелькают версты, кручи. Д\Останови! \ Идут, идут испуганные тучи, \ Закат в крови!

\Закат в крови! Из сердца кровь струится! \Плачь, сердце, плачь.\Покоя нет! Степная кобылица \ Несется вскачь!»

Повторы «Идут, идут», «Закат в крови! Закат в крови!» «Плачь, сердце, плачь...» нагнетают трагизм повествования, фатальность, почти неизбежность грядущей катастрофы.

Цикл «На поле Куликовом» не пассивное отображение событий далекого 1380 года, а некая возможность, оттолкнувшись от них, явить нам свое предвидение, свое предчувствие грядущего в историческом времени на конкретном евразийском пространстве, где проходила Куликовская битва, и где сегодня мы стоим лицом к лицу с вызовами нашего времени, тревожной неопределенностью в видении развития событий и пророчеством Блока: «Наш путь — степной, наш путь — в тоске безбрежной, \ В твоей тоске, о, Русь!..»

Цикл «На поле Куликовом» «написан Блоком не победной лексикой и не в победных ритмах. Здесь даже

нет сюжета победы. А некое осмысление столкновения, во всей его взаимообратной связи и непредсказуемости последствий. Здесь некая метафизика столкновения, порождающая новые ситуации, новые коллизии и новую проблематику.

Некий сверхсмысл заключен в словах Блока из второй строфы цикла «На поле Куликовом»

«О, Русь моя! Жена моя! До боли \ Нам ясен долгий путь! \ Наш путь — стрелой татарской древней воли \ Пронзил нам грудь». Здесь утверждается, что «Наш путь... пронзил (нам же. — СБ.) грудь» «стрелой татарской древней воли», То есть наш путь не столь уж и наш, добровольный, а навязанный извне? Или это утверждает взаимосвязанность судеб России с судьбами своих восточных соседей, общностью этого пути? То есть фиксируется историческая неизбежность сращения судеб и, одновременно, как минимум, сложность и трагичность взаимоотношений сторон, — ведь грудь все-таки пронзена. И, повторю цитату, «Из сердца кровь струится!\ Плач, сердце, плач»И именно из этого стихотворения крылатые строки Блока: «И вечный бой! Покой нам только снится \ Сквозь кровь и пыль.ДЛетит, летит степная кобылица \ И мнет ковыль.» И повтор этой мысли в последней строфе того же стихотворения: «Покоя нет! Степная кобылица \ Несется вскачь!»

У Блока не бывает случайных слов, тем более они не случайны, если настойчиво повторяются на всем пространстве небольшого стихотворения: Пронзенному сердцу — плакать. Покою — не бывать.

И как не вспомнить здесь гоголевскую Русь-тройку, которая за 56лет до блоковских «степных кобылиц» и «заката в крови», неслась, дерзко и бесшабашно «и, косясь и посторониваясь, давали ей дорогу другие народы и государства?» Насколько отличается то-

нальность этой, захватывающей дух езды в неизвестность, брошенного в мировое пространство вопроса: «Русь, куда несешься ты? Дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливаётся колокольчик; гремит и становится ветром.», от горестной обреченности и драматизма блоковских строк из цикла «На поле Куликовом»: где он: «С вековой тоскою / Как волк под ущербной луной,/говорит: «Не знаю, что делать с собою,/Куда мне лететь за тобой!»

Во втором стихотворении цикла, из которого приведены эти строки, еще отчетливее звучит трагическая, а не мажорная нота победы на поле Куликовом: «На пути — горючий белый камень. \За рекой — поганая орда.\ Светлый стяг над нашими полками \Не взиграет больше никогда» Что стоит за этими строками? Восприятия победы как пролога к поражению? Или возможности такого, по причинам, обстоятельствам, остающимся за скобками? Представляется, что эти строки не есть философское обобщение в духе пастер-наковских строк: «Но поражение от победы ты сам не должен отличать». Перед нами другой поэт, с другой исторической памятью, историзмом мышления. В следующем стихотворении цикла река Дон, на берегах которого произошла историческая битва, принесящая победу русским, назван «темным и зловещим». И еще: «Вздыхают светлые мысли\В растерзанном сердце моем, \И падают светлые мысли\ Сожженные темным огнем...» Явись, мое дивное диво! \ Быть светлым меня научи!» \ Вздыхается конская грива. \ За ветром взывают мечи.» В литературе существует мнение, что трагическая сложность «Куликова поля» в том, что Россия здесь оказывается не по одну сторону реки Непрядвы, а по обе: здесь вышли друг против друга не орда и Русь, а две России. Вместе с тем это Куликово

поле являет собою как бы символическую картину души героя, ибо в самом себе он чувствует нечто темное, родственное той «татарской стихии», на бой с которой он вышел. (А. Тархов. Об Александре Блоке. Вступительная статья к изданию Александр Блок. Стихотворения. Поэмы. «Роза и крест». М. Худ. Лит. 1974 г.) Высказывается мнение, «что историческое

Куликово поле было переосмыслено поэтом и стало у него символом некоего рокового рубежа внутри самой России, — рубежа, на котором сходятся для битвы «русское» и «татарское», «светлое» и «темное» начала. В статье «Народ и интеллигенция» в качестве сторон противостояния Блок называл русский народ и русскую интеллигенцию, где под татарским станом подразумевалась интеллигенция, а спящие полки Донского — не пробужденный русский народ. Но особенностью великих художественных произведений является, в том числе и то, что каждое время прочитывает их по новому. Кроме того, они многомерны и не укладываются в прокрустово ложе какого-либо алгоритма. «И хотя сам Блок был склонен подставлять разные смыслы под символику Куликова поля, но основная его мысль в отношении этого цикла заключена в словах: «Куликовская битва» принадлежит, по убеждению автора, к символическим событиям русской истории. Таким событием суждено возвращение. Разгадка их еще впереди», — так писал Блок в 1912 году» (Гам же). Об этом «возвращении» две последние строфы последнего стихотворения цикла «На поле Куликовом»:

Но узнаю тебя, начало
Высоких и мятежных дней!
Над вражьим станом, как бывало,
И плеск, и трубы лебедей.

Не может сердце жить покоем,
Недаром тучи собрались.

Доспех тяжел, как перед боем.

Теперь твой час настал... — Молись!

Разные периоды исторического времени актуализируют и по разному прочитывают и оценивают смыслы, заключенные в великих художественных произведениях. Как раз многомерность и вводит эти произведения в ранг великих достояний человечества. Основной тезис цикла «На поле Куликовом», подчеркнутый самим Александром Блоком, — это неизбежность возвращения России к ситуации Куликова поля, — «Недаром тучи собрались!». И слова «Теперь твой час настал. — Молись!», возможно, обращены к нам.

Дерзкая и угрожающая тональность стихотворения Блока «Скифы»

Как мы уже отметили, тему стихотворения Блока «Скифы» можно рассматривать как логическое продолжение цикла «На поле Куликовом», хотя оно и написано десять лет спустя. И если цикл «На поле Куликовом» горестен и трагичен, хотя в основе его лежит победа русских полков над Ордою, то стихотворение «Скифы», датируемое 29-30 января 1918 года, временем, когда Россия за семь месяцев 1917 года пережила две революции, и ко времени написания «Скифов» потеряла в результате гражданской войны и иностранной интервенции большую часть своей территории написано в упругих ритмах, дерзкой тональности с использованием вызывающей лексики. В дневниках Блока, незадолго до написания «Скифов» (11 января 1918 г.) имеется запись: «Тычь, тычь в карту,

рвань немецкая, подлый буржуй. Артачься, Англия и Франция. Мы свою историческую миссию выполним.

Если вы хоть «демократическим миром» не смаете позор вашего военного патриотизма, если нашу революцию погубите, значит вы не арийцы больше. И мы широко откроем ворота на Восток. Мы смотрели на вас глазами арийцев, пока у вас было лицо. А на морду вашу мы взглянем нашим косящим, лукавым, быстрым взглядом: мы скинемся азиатами, и на Вас прольется Восток.

Ваши шкуры пойдут на китайские тамбурины. Опозоривший себя, так изолгавшийся — уже не ариец.

Мы — варвары? Хорошо же. Мы и покажем вам, что такое варвары.»

Посмотрим, как Блок разворачивает картину событий, в случае схождения России с исторической сцены и неминуемого, в этом случае, столкновения Европы с Китаем, как он описывает возможные последствия этого столкновения.

Вскоре Советской Россией был подписан на тяжелейших условиях Брестский мир. Дневниковая запись Блока предвосхищает позицию Блока в «Скифах».

Цикл «На поле Куликовом» выяснял соотношение физических и духовных сил России с восточной частью Евразийского континента, и через 600 лет, прошедших после победы и не поколебавших ее, полон ожидания новых драматических событий («Опять над полем Куликовым \Взошла и расточилась мгла, \ И, словно облаком суровым, грядущий день заволокла.»), в «Скифах» аналогично выясняются отношения России с западной частью Евразийского континента. При этом подчеркивается роль и значение России на этом пространстве четким, как математическая формула — определением ее роли «щита меж двух враждебных рас

\Монголов и Европы.» Острое национальное чувство, историзм мышления Блока мы уже отмечали. Добавим и такой штрих, который очень важен для понимания истории взаимоотношений России с Западом. А именно —психологию взаимоотношений. Россия — Сфинкс, пишет Блок. — Ликуя и скорбя, \ И обливаясь черной кровью, Она глядит, глядит в тебя, \ И с ненавистью, и с любовью!..» О Западе же сказано: «Вы сотни лет глядели на Восток, \Копя и плавя наши перлы, \ И вы, глумясь, считали только срок, \ Когда наставить пушек жерла!»

Во многом история отношений России и Запада, особенно перестроечного и постсоветского времени —это история безответной любви, переходящей в подбострастие, России к Западу. И Блок выразил это в вышеприведенных строках. Однако Блок же угрожает Западу, как ни один, самый радикальный политик

России: «Вот — срок настал. Крылами бьет беда, \ И каждый день обиды множит, \ И день придет — не будет и следа \ От ваших Пестумов, быть может!»

И Запад неприемлем для Блока прежде всего своей буржуазностью, актуализированной сегодняшней Россией, которая для страны опаснее любого лабиринта и из которой выбраться труднее, чем из самого топкого болота. Трудно выбраться и невозможно освоить. Отсюда эта раздвоенность «ненависти-любви», гораздо более опасная, чем когда эти понятия (вражда—любовь) стоят в оппозиции друг к другу. Но Запад — это не только буржуазность. Это и античность Греции и Рима, это и эпоха Возрождения, воспринятые Россией через западную культуру. Плоть от плоти России, Блок и сам несет в себе эту раздвоенность, когда призывает, обращаясь к Западу: «Придите к нам! От ужасов войны \ Придите в мирные объятия! \ Пока не поздно — старый

меч в ножны, \Товарищи! Мы станем — братья!». И грозит: «А если нет, — нам нечего терять, \ И нам доступно вероломство!..\ Мы обернемся к вам \ Своею азиатской рожей!» Перебор в цитатах — не украшает анализ произведения. Но никуда не деться от хлестких, резких как ветер фраз: «Идите все, идите на Урал! \ Мы очищаем место бою \ Стальных машин, где дышит интеграл, \ С монгольской дикою ордою \, которая так тревожила душу Блока, и так драматично звучала в цикле «На поле Куликовом». Поэт прозревает возможность замены русского начала, сопряженного западноевропейскому, азиатским («Мы обернемся к вам своею азиатской рожей!») и тогда «Мы поглядим, как смертный бой кипит, \ Своими узкими глазами». И опять — переход от только что явленной ненависти и угрозы к любви, к надежде на взаимность: В этом можно отметить некую метаморфозу, преобразование, трансформацию России, олицетворяющей в цикле «На поле Куликовом» светлое начало, в темное начало в стихотворении «Скифы». Вражда Запада к

России актуализирует здесь темное начало, вполне конкретно называемое в цикле «На поле Куликовом», исторически достоверно, татарским. В «Скифах» же оно является условным обозначением темных, затаенных свойств, таящихся на евразийском пространстве в лице Китая, и на китайские тамбурины пойдут, по мысли Блока, шкуры Запада. А то, что относится к началу светлому, русскому, широко разбредется по дебрям и лесам, расступится перед пригожей Европой. Но, разбредясь, и уступив место для схватки с Европой монгольской дикой орде, Россия сама сходит с исторической сцены. Такая перспектива несет угрозу не только России, но и Западу. Если цикл «На поле

Куликовом» прочитывается как послание, обращенное к России, в какой бы ипостаси здесь она не представляла, стихотворение «Скифы» обращено к Западу, к Европе. Он напоминает об историческом значении России как щита «меж двух враждебных рас» и, не смотря на все противоречия Блок сзывает старый мир «на братский пир», призывает сойти с тропы испепеляющей ненависти и вражды.

Восток же и в последних строках цикла на поле Куликовом назван «Вражьим станом», откуда он слышит «рокоты сечи» и «трубные крики татар» Понятная земная «любовь-ненависть» для Блока менее опасна, чем закрытый, мистический, затаенный Восток. Хотя только в 20-м веке Запад, включая Россию, вел две взаимоистребительные войны, принесшие гибель миллионам своих граждан.

А время неумолимо ведет нас по предначертанным Блоком историческим путям. Суметь прочесть и осмыслить высокие смыслы и мистические пророчества Блока, его послания, вот задача, от решения которой во многом будет зависеть будущая картина мира.

О творчестве
Сэды Вермишевой

Николай
Дорошенко Сэда
К творческому портрету Сэды Вермишевой

Скажи, не о том, что написал, а как жил истинный русский поэт, и я скажу, в какое он время жил.

Вот Ломоносов вроде бы не столько поэтом был, сколько строителем русской науки. И Державин вроде бы не столько сочинял, сколько трудился в качестве чиновника. И при них Империя наша прирастала разумом и территориями. Вот Пушкин сначала декабрист, а затем друг самого Императора. И при нем империя то так, то эдак поигрывала полнотою своих великих мускулов. Вот Толстой поставил себя в один рост с Церковью и началась смута. Вот уже обласканный царской семьей, но и сладко да горько сгинувший в переполохе революционных преобразований Есенин. Вот Маяковский — живая душа самой революции — в её же удушающих (даже на бытовом уровне) объятиях сгинул. Нет сомнения, что от Толстого до Маяковского время было нехорошее. Вот казак станицы Вешенской вступает в переписку, страшно сказать, с самим Сталиным. И это значит, что из запланированного немецким генштабом и американскими банкирами банкрота Империя наша превращается в передовую державу, и Шолохов запросто принимает у себя в

станции первого космонавта Гагарина. Вот Твардовский — сын кулака — благополучно получает кабинет в «Новом мире» и в этом кабинете тихо спивается. Вот Рубцов не находит себе места во всей России. И это значит, что и сама Империя уже смертельно больна.

Когда я гляжу на поэта Сэду Вермишеву, то отдаю себе отчет в том, что она могла бы быть, как Державин, сановником, но — если б и страна при этом была не в падении, а на взлете. Могла бы она, как Пушкин, из ссылок вольнодумных возвращаться в милость Властителя, но — если бы страна игриво располагалась в своем величии. Могла бы она, как Маяковский, не поместиться в диковатом большевистском уюте и сгинуть, или, как Твардовский, в дурных предчувствиях не знать, от чего у неё болит голова. Но это тоже было другое время.

А теперь мы не в Чесменском сражении и не под Сталинградом роняем свои белые кости, а просто так вымираем или заживо разлагаемся. И Сэда Вермишева с её жертвенным характером даже не может понять, как себя применить.

То есть, она-то знает, но уже никто не понимает и не хочет понимать, почему у неё болит душа.

Страшно сказать, время Великой Отечественной войны — страшно, страшнее всех самых страшных — для неё как поэта было бы счастливым. Она бы, как Ахматова, выдохнула: «Час мужества пробил на наших часах.» и вся страна бы вздрогнула. Она бы, как Симонов, написала: «Ты помнишь, Алеша, дороги смоленщины.» и вся страна омылась бы, как пустыня дождем, животворнейшими слезами. Она не могла бы написать «Василия Теркина», но только потому что её армянским корням сподручнее, не крестьянское, а горнее византийство присутствия в русских культурных и духовных потоках. Но вот же она пишет:

*Разбит наш дом.
Он превратился в прах.
Как мне срastить
Обломки прежней жизни?
Как отыскать
На новых берегах
Пути к потерянной
Моей большой Отчизне?*

Но её большая Отчизна уже, как мешок картошки, рассыпанной по земле, ничего не слышит, не вздрагивает, слезами не оmyвается.

Ладно, вдруг оказалась бы однажды в «разбитом нашем доме» и всё в ней самой же вдруг поменялось. Но вот стихи, написанные в безмятежные 70-е годы:

*А я как былинка, стою и качаюсь,
Беки смежив и руки сложив.
А я постепенно в себя превращаюсь, —
Срок на исходе — кокон ожил...
И в этом пространстве,
От века желанном
Все стороны света —
А я — посреди...
Подобна я глине на круге гончарном
И вертится круг,
И все впереди...*

Что «впереди»? Трагическое мужество тогда и теперь. И ничего иного. И написано это в пока и уже в полной тишине, когда никто не вздрагивает и не плачет от её слов, не уступающих ни симоновской, ни ахматовской достоверности и силе.

Чтобы рассказать о том, как живут наши наиболее значительные поэты, я бы мог вместо Сэды Вермишевой рассказать и об иных. Но в то время как эти иные

свыклись, Сэда Константиновна чуть ли не каждый день у меня спрашивает: что делать?

При этом, речь не идет о её поэтической судьбе — великой и невидимой миру сему. Собственная судьба её не волнует. Её волнует только судьба мира сего. Она Давид, от которого спрятался Голиаф. Она Пересвет, на вызов которого не ответил в своих куршевельских содомих и гоморрах ненавистнейший Челубей. И никто, никто, абсолютно никто, если не считать таких же, как она, апостолов современного русского поэтического слова, уже не может увидеть воистину шекспировскую высоту хотя бы и вот этих её строк:

Я альфа и омега.

Я — только Прах.

*Я — голос мира,
Ветвь его побега...*

Я — эхо Бога

И пред Богом —

Страх.

*Слепая жизнь,
Ползущая по кручам,
Ковчег Библейский
В буре снеговой...*

Колени содраны...

Пред Ликом Всемогущим

Я есть ничто...

Но мной не правит случай...

В вот этой последней строке «Но мной не правит случай...» я вижу её одинокое, в нас не свершившееся, но каждым нашим сердцем чаемое великое народное восстание, я вижу горделивую, под петлей, осанку Зои Космодемьянской, вижу Александра Матросова, упрямо приближающегося к вражескому дзоту. У меня кружится голова от огромности нравственных смыслов,

когда я читаю стихи Сэды Вермишевой. Её непривычное для моего русского уха имя — Сэда — превращает в ничто её более русифицированную фамилию, как в смирение пред нашей великой и тяжкой историей...

Чистейшая и мудрейшая поэтическая душа — Татьяна Глушкова — мне когда-то подсказывала: почитай Сэду. И в стране, где «тыщу лет длится взмах крыла», я наконец-то стихи её прочел. И эту статью свою назвал так, как сказала о содрогнувшем меня поэте Глушкова: «Сэда».

Сэда — это огромное имя в текущих потоках большой русской поэзии.

Горькому, как и Сэде, повезло. «Это посильнее, чем «Фауст» Гете», начертал тогдашний наш властитель на его слезливой, в духе современных мелодрам на телеканале ТВЦ, «Девушке и смерти». Но ведь автором был великий Горький.

Что толку, если не высочайший да кровавый знаток литературы Сталин и, тем более, не «бескровный» Путин, глядящий что в Донцову, что в Достоевского точно так же, как рыба глядит в свое одинаково пустое водное пространство, а всего лишь я скажу, что вот это стихотворение Сэды меня волнует «сильнее», чем шекспировское «Быть или не быть.»

Но дня не пройдет,

Не пройдет и полдня,

И я говорю:

«Сторонитесь меня, —

Я вся — пустозвонство.

Ходячая лживость.

Вранье,

Что смогу оседлать я коня.

Что будет мне явлена высшая

Милость.

Все кони мои — никудышная шваль.

Вериги мои неподъемны и тяжки.

Коню не пройти мою долю и даль.

И мне не подарит Всевышний

Поблажки...

Я лгу,

Что надеюсь...

Надежда пуста.

Пустее придумать навряд ли

Возможно:

Не просто уйти в поднебесье с креста...

Но радуга в небе — как своды моста!..

Мне ветер целует лицо и уста,

Туманами кутает плечи тревожно...

И плачет и плачет

На ветках листва...

И жизнь — бесконечна!

Все прочее — ложно...

Мы живем в оглушительной тишине. Тишину эту уже не преодолеть. Когда-то, еще до Пришествия Христа, античный мир содрогнулся от вести, что «Пан умер». И даже в солнечном сиянии стал этот античный мир различать свои закатные сумерки. Вести о том, что человек «по образу и подобию Божьему» истаивает с лица земли — мы не заметили.

И нас уж нет —

Одно преданье...

И никакие пароходы

К нам в трудный час

Не подплывут:

Мы тонем в омуте свободы, —

Волна растет, сметая броды,

И ближний берег

Наг и крут...

Даже эти пронзительнейшие строки Сэды не разлетелись по стране, как симоновское «Жди меня...» Они, как звезды после первородного взрыва Вселенной, застыли в небесах безмянными и неизвестными. И лишь редкие читатели Сэды ощущают себя жрецами чернейших египетских ночей и древнего египетского варварства, когда неожиданно для себя понимают их высокие смыслы. И вздрагивают. И плачут. Но — что толку.

Только потому, что Бог есть, есть и смысл в этом удивительном русском поэтическом имени: Сэда!

Кто может, пусть запомнит и восхитится вместе со мной.

Кстати, «Маобитская тетрадь» Муссы Джалиля дошла до нас лишь потому, что мы победили во второй мировой войне. Стихи Сэды останутся для мира сего неизвестными, если мы сгинем в современных геополитических перепланировках наших национальных квартир, если мы не победим.

Наталья Гомцян Вселенная Сэды Вермишевой

Две новые книги поэтессы Сэды ВЕРМИШЕВОЙ, вышедшие в конце минувшего года, стали настоящим подарком читателям, для которых ее имя — не пустой звук. Одна из них под названием «Армения — мой щит и меч» увидела свет на армянском языке в переводе Грачья Бейлеряна и под редакцией Левона Ананяна в издательстве «Аполлон» в Ереване. А лирический сборник «Смятение» опубликован в Москве в издательстве «Российский писатель».

Сэда Константиновна пишет по-русски, но она

— **поэт Армении.** Ее образы — это ясность ума, это наш исторический опыт, это мета эпохи, для которой прошла пора приблизительного знания и господства чистых эмоций. Она востребована, ибо что бы ни писала

— эссе или экономическое исследование, публицистику или лирику, — она всегда беседует с читателем о самом насущном для себя, а значит, и для всех нас, поскольку она — личность общественная, находящаяся в центре интересов значительных, а не сугубо личных.

И всегда неизменным остается главное — опыт ее души и сердца, выстраданный опыт народа и родной земли, где всегда остается счастье чувствовать себя своей в своем Доме — Армении. Стихи Вермишевой заставляют работать мысль, соотносить прочитанное с опытом своей жизни, соглашаться с поэтом или воз

ражать. Все написанное ею пронизано высочайшей ответственностью за свою землю, свое время.

С. Вермишева обладает несокрушимой силой духа, осознает свое значение и по праву дорожит им. Невозможно представить себе ее ни среди тех, кто, отрешившись от проблем бытия, замыкается в круг узкопрофессиональных интересов, ни среди тех, кто делает что-либо по заказу. Ее естественная среда там, где личности яркие, глубокие, равнодушные. Она сама — неотъемлемая часть этой среды.

Активная гражданственность — такова жизненная и литературная позиция Вермишевой. В самом деле, она всегда на переднем крае, всегда неутомима. И сегодня, несмотря на солидный возраст, Сэда Константиновна активно участвует в жизни общества, пишет о важнейших жизненных проблемах, о судьбах России и Армении в наше беспокойное время.

Лирика Сэды Вермишевой — обнаженный нерв поэта, это исповедь, это пережитое, то, что она выносила в себе, биография ее души. Книга судьбы, полная драматизма и страсти, открытий и ошибок, горя и любви. Она находит дорогу ко многим сердцам, о чем говорят и статьи во второй части книги, посвященные творчеству Вермишевой критиками, поэтами. Хотя пишет она на русском, она глубоко национальный поэт, сумевший воплотить в поэтическом слого и радость бытия, и его боль, прикоснуться к самым сложным вопросам жизни, которые тревожат душу. Важно то, что ни один ее поэтический образ не придуман, не сконструирован, потому что и в самом деле она ничего не придумывает, образ живет в ней органически, как и ее страсти и чувства.

А, впрочем, пусть читатель сам судит, прочитав ее книги. Ниже мы представляем несколько стихотворений из
сборника
«Смятение».

Когда нет сил
Подняться
Для полета,
Когда мне жить
Почти
Невозмогу,
Крест-накрест
Предо мной
Все двери, все ворота, —
Я говорю себе,
Что я — пехота...
А впереди — лишь топи
Да болота,
Но я их все-таки
Когда-нибудь
Пройду...

Поэзия
Это —
Обочина
Жизни моей.
Камень и ветер,
Снега и ручей.
Стадо склонилось над ним,
Чтоб напиться...
Что мне здесь грезится,
Что мне здесь Снится?
Тучи идут над простором полей...
Кто-то, печалась, за правдой своей
Вышел
В пространство

От века глухое
Звездного неба...
А небо —
Пустое...

Наш балаган —
Он длится,
Длится,
Длится...
Заходит срок
За край!
Пора одуматься,

Восстать,
Восстановиться!
Крылом ударить оземь,
В небо взвиться,
В зеленый, синий,
Беспредельный май!
Лететь открыто,
В солнечном Начале,
Чумные годы напрочь
Отменить!..
Где падал снег,
Где нас ветра качали,
С ладоней мира
Счастье жизни пить...
И разорвать
Щемящий круг печали,
Ударить в гонг!
И фишки смерти
Сбить!..

Я тороплюсь!
Мне нужно стать
Вселенной!
Мне воздухом Отчизны
Нужно стать!
И землю омывать
Рекою белопенной,

И радугой чистойшею
Сиять...
Мне нужно миром стать
Горячим и нетленным, —
Еще любить
И помнить,
И страдать,
Когда поют ветра нам
Песнь
О бренном...
И благодать,
Как
ябло
ки,
Разд
ать...

Но дня не пройдет,
Не пройдет и полдня,
И я говорю:
«Сторонитесь меня! —
Я вся — пустозвонство, ходячая
лживость.
Вранье,
Что смогу оседлать я коня,
Что будет мне явлена высшая
Милость.
Все кони мои — никудашная
шваль.
Вериги мои неподъемны и
тяжки... Коню не пройти мою
долю
И даль,
И мне не подарит Всевышний
Поблажки...»
Я лгу,
Что надеюсь.
Надежда пуста.
Пустее придумать навряд ли
возможно:
Не просто уйти в поднебесье

С креста...
Но радуга в небе — как своды
моста!
Мне ветер целует лицо и уста,
Туманами кутает плечи
тревожно...
И плачет, и плачет
На ветках листва.
И жизнь — бесконечна.
Все прочее — ложно...

Внучке Маше

Поговорим о Вечности
С тобой,
Не дожидаясь
Высшего
Указа... —
Настанет день,
Пройдет ли год, другой,

Жизнь оборвется
И легко,
И сразу....
Я буду жить у Вечности
В столице,
Но в час, когда
Свиданья час
Пробьет, —
Я к вам вернусь,
Я возвращу сторицей
Всё,
Чем одарила жизнь
Бессрочный мой
Полет...
Притронусь я рукой
К любимым
Лицам —
И шелк волос твоих

Мне сердце всколыхнет...
Мне в Вечности, скажу,
Без вас так плохо
Спится...
Пусть детства колыбель
Любви крылом
Качнет...

Григорий Блехман Песня метели — не яблони цвет...

*(О сборнике стихотворений Сэды Вермишевой «СМЯТЕНИЕ». Изд.
«Российский писатель», 2013, — 272 с., Москва.)*

Назвал эту заметку строчкой из стихотворения «Адеп-
там чистого искусства», вошедшего в сборник:

Что они пели,
Курлыкали —
Что?
Песни метели не слышал
Никто...
Песня метели — не яблони цвет, —
Где пролетела — там её нет.
Белая мгла только вьётся-клубится,
Белою лебедью,
Лебедью птицей.
Белым туманом
За краем небес.
В белой метели
Их голос исчез,
Там,
Где кончаются
Поле и лес.

Начал с этого стихотворения потому, что оно — о сути
Художника, хотя и написано о тех, в ком она от-
сутствовала.

Да, никто из них не слышал «песни метели». Если хочется слушать только себя-любимого, как её услышишь. Дай Бог, увидеть «яблони цвет».

Таков удел «чистого искусства», не рождённого высокими эмоциями, а следовательно, и не несущего их.

И потому знаменитые «фиолетовые руки на эмалевой стене», которые уже больше века «полусонно чертят звуки в звонко-звучной тишине», давно «чертят» их лишь для литературоведов, занимающихся в основном поэзией Серебряного века.

Хотя это — очень красивое «полусонное» стихотворение знаменитого адепта чистого искусства В.Я.

Брюсова многозначительно названо «Творчество».

Время определило нежизнеспособность того, что является искусством ради искусства. И потому «в белой метели их голос исчез.»

А те, кто могли «Глаголом жечь сердца людей»,
остались на века.

И написанное почти два века назад: «Струн вещих пламенные звуки до слуха нашего дошли.», вероятно,
жить будет вечно.

Строчки о мыслях и судьбах людских — их высокой драме или не менее высоких восторгах, оказываются нетленными.

Об этом, в конечном счёте, и стихотворение Сэды Вермишевой. Стихотворение грустное. Да и каким ему быть в сборнике, который назван «СМЯТЕНИЕ». Именно смятение сейчас живёт в сердцах тех соотечественников, в ком сохранилась совесть — «охранная грамота» понятия «ЧЕЛОВЕК».

Эта «охранная грамота» позволяла во все времена хранить то, что, казалось бы, легко утратить, когда вокруг «всё расхищено, предано, продано».

Приведённое в начале стихотворение датировано 2003-м годом, однако, в строчках уже далёкого 1970-го,

хоть и другое настроение, но «дыхание Музы», на мой
взгляд, то же:

Приходит день, когда мне невозможно
Не взять перо и не начать писать.
Всё прочее и суетно, и ложно,
И только эта мука —
Благодать.

И только эти вдохновенья всплески,
И только эта странная звезда,
Хоть отдыха и скупы перелески,
Гор высока влекущая гряда.
И дивное соприкосанье с небом,
С прозрачностью, свободой, синевой,
И с мирозданья непонятым светом,
Отроги скал камнями под стопой, —
Такая ласка и восторг, и счастье,
И облаков струящаяся грусть.
И сердце —
Храм
Высокого
Участья,
Преодолеть которое я тщуся.

Когда у поэта ТАКОЕ сердце, то первые и заключительные строчки стихотворения особенно понятны. Ведь день «когда... невозможно не взять перо» приходит к нему, наверное, постоянно — вне зависимости от того, возьмёт ли он перо физически. Приходит потому, что сердце его — это «Храм Высокого Участья».

И хотя, на первый взгляд, настроение в двух приведенных стихотворениях разное, для меня их роднит мысль, выраженная в знаменитой «Белой гвардии»: «Всё пройдёт. Страдания, муки, кровь, голод и мор. Меч исчезнет, а вот звёзды останутся, когда и тени наших тел и дел не останется на земле. Нет ни одного человека, который бы этого не знал. Так почему же мы не хотим обратить свой взгляд на них? Почему?».

Скорее всего, потому, что суетность, сиюминутность, тщеславие, выход наружу мефистофельского начала

нередко заглушают в человеке эту мысль. И мы не замечаем, как наше духовное начало нередко уступает этой сиюминутности, которую принято именовать успокаивающим: «целесообразность».

Хотя сколько зла от такой «целесообразности» знаем не только из мировой литературы, но и повседневной жизни знакомых, близких и самих себя.

И наверное, давно бы рухнули от такой «целесообразности», если бы противовесом не звучали в окружающем нас пространстве слова тех, в ком духовное начало никогда и ничему не уступает.

Эти люди называются Поэтами — вне зависимости от того, в какой форме выражают они свои мысли. Их мало. Но им дано Слово. А поскольку: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Всё через Него начало быть, то, наверное, и Поэтов не может быть много. Потому что они — Избранные, и несут именно то Слово, какое, в конечном счёте, хранит нас, как человеческую особь, от мощных проявлений мефистофельского начала на земле.

Никогда не мог согласиться со знаменитой строчкой знаменитого соотечественника: «Поэт в России — больше, чем поэт». Конечно, понимаю, о чём он говорит в прекрасном, на мой взгляд, стихотворении, но не могу представить ни в России, ни где-либо ещё человека, который «больше, чем поэт». Именно, исходя из того, о чём сказал.

Такие мысли приходят мне во время чтения Поэта. В данном случае Сэды Вермишевой, к сборнику которой пора вернуться.

Книга состоит из разных разделов, каждый из которых объединяет стихотворения, близкие по конкретной теме: «Время пришло говорить», «Разбит наш дом», «Омут свободы», «Помоги нам, Боже!», «Горящие моты».... Но все они об одном — о Смятении.

И потому можно произвольно открыть любую страницу и читать. Например:

Мы попадаем под
Колёса.

Мы сходим с рельс,
Летим с откоса.
Своей ли волей,
Волей рока,
Не весть какого Скомороха,
Так неожиданно жестоко
К нам повернулось мирозданье,
Событья,
Ход времён,
Эпоха...

И, повея надменно бровью,
Они нам шлют

Своё

Послание — Грозят нам
мороком

И кровью —

И нас уж нет —
Одно преданье.

И никакие
Пароходы

К нам в трудный
Час

Не подплывут.

Мы тонем
В омуте
Свободы

А ближний берег
Наг и круг.

Для скольких соотечественников объявленная нам в начале 90-х свобода стала «омутом», потому что оказалось — не готовы мы к ней. Не готовы к тому, что: «свобода любого человека заканчивается там, где начинается свобода другого человека». Чтобы жить ТАК, нужна другая культура или другое состояние души, путь к которому, может быть, преградил нам октябрь 17-го.

Однако, хоть «ближний берег наг и крут», Поэту это не преграда. Он чувствует свою миссию — ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. И потому:

Когда нет сил
Подняться Для полёта,
Когда мне жить
Почти
Невмоготу,
Крест-накрест
Предо мной
Все двери, все ворота, —
Я говорю себе,
Что я — пехота...
А впереди лишь топи
Да болота,
Но я их всё-таки
Когда-нибудь
Пройду.

Вот эта уверенность: «всё-таки когда-нибудь пройду», тоже, думаю, от ответственности. И от СВОБОДЫ. Внутренней свободы, которая ни в какие времена, ни при каких обстоятельствах ничему не подвластна, если ты наделён ею от природы. Она и даёт силы даже, когда:

Передо мною странная картина
Вдруг возникла,
Встала,
Разрослась.

Нет истории.
Осталась только глина.
Нет страны.
Но есть чужая власть.
Я, наверное, куда-нибудь
Уеду —
Не глядеть,
Не видеть бы
напасть.

Оглянусь —

Она ползёт по следу,
Ухмыляется,

И щерит пасть.

Мне корёжит дух она и душу,
Бьёт с оттяжкой,

Наотмашь бьёт,

И власть.

Океаны перешли на сушу,
Словно тать,

В ночи подобралась.

Я стою

Перемогаю стужу,

Я креплюсь,

Стараюсь не упасть.

И тут же чуть дальше:

Всё, что случится

С моею страной,

То и со мною,

Случится,

С ветвью системы её корневой.

Не
Разлучиться!

Как мне уйти от неё,

Как бежать? —

Видано ль Дело?..

Вместе мы жили.
Вместе умрём.

Нет нам

Предела!..

Читал и вспомнил блоковское: «Что всё уж не моё, а
наше, / И с миром утвердилась связь...».

А на следующей странице, будто в подтверждение
этой ассоциации, читаю:

Хоть унижена муза,
И унижено сердце,
И бредут, как слепые,
В слезах и в снегу,
Но от радости жизни
Никуда им не деться, —
Не зарыться, не кануть
В стогу.

И звучит её музыка,

И волнуется детство,

И прекрасная юность танцует,
Вскинув руки, На тёмном лугу.

Так люби меня, Музыка!

Не покинь и не брось!

Протяни мне своих незабудок,
Тёмно-пепельных,
Гроздь!
Напиши свои знаки

На облаке лета,
И продлись,
И продли,
И рассыпь меня в искры
Летящего
Света!..

Думаю, вспомнил Блока ещё и потому, что для меня мироощущение Сэды Вермишевой близко мироощущению этого великого поэта Серебряного века: его предчувствию возмездия: «Над нами сумрак неминуемый.» и тут же всепобеждающее: «Сотри случайные черты — / И ты увидишь: мир прекрасен.»

И когда читаю, что музе и сердцу Сэды Вермишевой: «От радости жизни / Никуда не деться.», тоже вспоминаю блоковское: «О, весна без конца и без краю — / Без конца и без краю мечта! / Узнаю тебя, жизнь! Принимаю! / И приветствую звоном щита!».

Чем больше вчитываюсь в стихи Сэды Константиновны, тем больше чувствую духовную близость между ней и Блоком. Может, суть — в обострённой совести обоих. Вот и дальше у Вермишевой:

А нам — среди всех,
Нам быть — за всех,
За немощных

И малых.

С высот невидимых
Креста
Жизнь бесконечна
И чиста
Среди всех времён, пустых имён
И в ведро, и в порошу —
И от распятого Христа
Принять нам ношу!..

Но, если Блок в какой-то момент стал настолько удручён ходом событий после 17-го года, что «перестал слышать звуки» и не смог без этого жить, мучительно уходя в мир иной, то у Сэды Вермишевой реакция на нынешние бесстыдства и цинизм власть имущих иное

— действенное. И её аккорды звучат сегодня так:

Когда распрямятся
Пружине
Назначенный час
Подойдёт, —
Запомните! —
Память — Не стынет
И счёт свой обидам
Ведёт.

Как сжатая сила
Вулкана,
Как плач заколдованных
Недр, —
Так прошлого
Подвиг
И рана —
Предвестье
Грядущих
Побед!

Мне это отдалённо напоминает «Песню о Буревестнике». Хотя и знаю, что ТАКАЯ «жажда бури», а точнее жажда ТАКОЙ «бури», как у нашего «Буревестника революции», для Сэды Константиновны не характерна.

Очевидно, потому, что ТАКИЕ «бури» мы уже проходили, и нас до сих пор от них «штормит».

У Сэды Вермишевой надежды на другое:

Будем надеяться,
Верить,
Молиться —
Истина Божья
Для нас
Возродится.

Крепить

Не канаты,

А с Вечностью
— Связь,
Восходы,

Закаты,
Славянскую
Вязь!

И Лики Святые
Проступят
Сквозь тьму —
И люди вернуться
К Христу
Своему!

Вот в этом — важнейшее: вернуться к тому, что отняли у них почти век назад известные события октября. Отчего и беды последующие пришли и продолжают приходить. А, чтобы так случилось — люди вернулись «К Христу Своему!», поэт Сэда Вермишева делает всё, от неё зависящее, своим Словом, которым природа так щедро её одарила. Делает, выполняя свою миссию на этой земле, и живёт по БОЛЬШОМУ СЧЁТУ, потому что знает — чувствует:

И время отмерит мне путь
В неизвестность,
По тропам скалистым,
На плаху суда.

Глаза распахнёт
Неоглядная нежность,

Мятежная вспыхнет
На небе звезда.

Уверен, что так и будет, поскольку свет «мятежной звезды» её поэтических строк уже давно помогает читателям не утратить веры в своё предназначение — жить по совести и не опускать рук.

О Сэде Вермишевой сказано и написано много. Среди её читателей были и есть такие известные люди как Николай Иванович Рыжков, Владимир Цыбин, Евгений Винокуров, Николай Дорошенко, Сильва

Капутикян, Александр Ревич, Ирина Снегова, Николай Тихонов, Леонид Мартынов, Левон Осепян, Вета Григорян. Каждый из них сказал о творчестве поэта что-то для себя важное.

Но все многочисленные почитатели дарования Сэды Константиновны сошлись в одном — в ВЫСОКОЙ ПРАВСТВЕННОЙ НОТЕ её поэзии. В удивительном сочетании боли и теплоты её лирических строчек.

И тут вновь вспоминаю блоковское: «Чтобы от истины ходячей, / Всем стало больно и светло.».

Всё-таки постоянно соединяются во мне своим со-звучием эти два выдающихся поэта. И, наверное, не случайно, потому что есть у Сэды Вермишевой стихо-творение, посвящённое Блоку или навеянное его моти-вами, которое многое объясняет:

«Летит, летит степная кобылица, И
мнёт ковыль.»

Александр Блок.

Стихия ветра, стихия снега,
Я вас люблю...

Какая воля, какая нега.
Земли и неба
Свободу пью.

И невозможно
Остановиться —
Звенит ковыль.

Нам всё под силу,
Нам всё простится —
И сон. И бьель.

И потому вот — такая доля —
Легла нам карта —

Дороги власть.

За всё, что было,
За всё, что будет,
В траву степную
Лицом

Упасть...

И в сердце снова
Очнётся сила
Хулу и славу, И
крест принять.

Вот такое признание достойнейшего поэта нашего
времени Александру Блоку.

Что касается времени, то у Сэды Константиновны
можно прочитать такую перед ним исповедь:

Благодарю века
За то, что дали силы
Мне устоять, —
Господь хранил
Меня.

Что вектор обрели
Мои
Усилья.

Что не напрасно
Жизнь течёт моя.

Что слишком трудною
Была моя дорога —
Не огибала ни страстей,
Ни бед.

Что никогда

Я не теряла Бога —
Бог был во мне —
В дни горя и

Побед.

И поскольку не теряет она Бога никогда — «В дни
горя и / Побед», то в какой-то момент приходит к ней:

. И лишь величие
Идеи
Меня ведёт по сколам льдин,
И смерти нет,

А солнце реет...
И оступиться нет
Причин.

Думаю, вряд ли нужны здесь какие-то комментарии.
И потому хочется встать и поклониться Поэту. Что с
благодарностью и делаю прилюдно.

Содержание

| | |
|--|---|
| Поэт | 3 |
| Юлия Шишина. Урартийский сфинкс | 5 |

I

НАЧАЛО

| | |
|--|----|
| «Я почему-то жить — не тороплюсь...» | 9 |
| «Мне трудно подниматься по утрам...» | 10 |
| «Туманы с тучами слились...» | 11 |
| «Начну письмо...» | 12 |
| «Какая тишь стоит над миром...» | 13 |
| Озеро «Парз лич» | 14 |
| У памятника Туманяну | 15 |
| «Вы умирали когда-нибудь?..» | 16 |
| «Я так хочу стихотворенье...» | 17 |
| «Только бы имя услышать твое...» | 18 |
| «Я видела тебя во сне...» | 20 |
| «Раньше было не так...» | 22 |
| «Пусть отмирает... » | 23 |
| «Пространство линчуют тугие дожди... » | 24 |
| «Не возвращайся...» | 25 |
| «Я не хочу твоего возвращенья...» | 26 |

II

ЗОВЫ ПРОСТОРА

| | |
|-------------------------------------|----|
| «Просторы тяжелые подняли веки... » | 29 |
| «Мое сверх-Я...» | 30 |
| «Забыть все то, что было...» | 31 |

| | |
|----------------------------------|----|
| «Я не знаю, куда он движется...» | 32 |
| «Я покинула дом...» | 33 |
| «Душно. Тесно...» | 34 |
| «Я окинула взором равнину...» | 35 |
| «И каждый день...» | 36 |
| «А где-то там...» | 37 |
| «Два города...» | 38 |

III РАСПАЛСЯ ВЕК

| | |
|---------------------------------|----|
| «Распался век» | 41 |
| «Мы выпали все из контекста...» | 42 |
| «Эпоха уходит на дно...» | 43 |
| «И века грядущего...» | 44 |

IV УМЕР НАШ СОЮЗ

| | |
|--|----|
| «У кого дела...» | 47 |
| «И я хотела всех покинуть... » | 48 |
| «И пусть история перевернет страницу...» | 49 |
| «Эти шапки с верхами, эти лисьи хвосты...» | 50 |
| «Мы живем в пустоте... » | 51 |
| «Нас столкнули с дороги... » | 52 |
| «И в душе моей кружатся горькие мысли... » | 53 |

V БЕЙТЕ В КОЛОКОЛ! В НАБАТЫ!

| | |
|-------------------------------|----|
| «Нас затиснули в поезд... » | 57 |
| «Я споткнулась...» | 58 |
| «Я боюсь за Россию...» | 59 |
| «Я устала...» | 60 |
| «Что мне теперь...» | 61 |
| «Ограблена, замаяна... » | 62 |
| «Бейте в колокол!..» | 63 |
| «Сковало холодом равнину... » | 64 |
| «...Но как жива еще душа!..» | 65 |

МЫ В ОБНОСКИ ЭПОХИ ОБЛАЧЕНЫ

| | |
|----------------------------|----|
| «Мы живем на обломках... » | 69 |
| «Без Великой Идеи... » | 70 |

VI

| | |
|-----------------------------------|----|
| «Я из прошлого величья...» | 71 |
| «Двигается смута на Русь...» | 72 |
| «В чужих демократиях греться?.. » | 73 |
| «Я уйду...» | 74 |
| «Пошады не ждать нам... » | 76 |
| «Здесь "Быть или не быть"...» | 77 |
| «Обогрей меня, Боже... » | 80 |
| «Принимайся ж, душа, за дело... » | 81 |

VII

| | |
|--|----------|
| ТАМ ДОМ СПАЛИЛИ МОЙ... «Я | |
| замесила воду...» «Я здесь жила...» «Куда иду?.. | |
| » | 85 86 87 |
| «Я стою на далекой глухой борозде...» | 88 89 90 |
| «Как мне пробить в густом тумане?.. » | 91 92 93 |
| «И время мне догнать не удастся... » | 94 95 96 |
| «И вожжи как ниточки, рвутся... » | 97 98 |
| «Я б закуталась в овчину...» | |
| «И снова жизнь без дома и пути... » | |
| «Расколется южная ночь... » | |
| «Суметь отодвинуть, отторгнуть... » | |
| «Я лягу под телегу...» | |
| «Спите, души усталые струны... » | |
| «Россия возвратится на Кавказ... » | |

VIII

УСТУПЫ СУДЬБЫ

| | |
|--|-----|
| «Проходят дни... » | 101 |
| «Нам дали легкие свободы... » | 102 |
| «Уйти, уехать, далеко... » | 103 |
| «Иду... » | 104 |
| «Пока Чубайса время длится... » | 105 |
| «Наше время — как бурное море... » | 106 |
| «Мы боремся, пока нас не убьют... » | 107 |
| «Как зайцу осину... » | 108 |
| «В глухую темень... » | 109 |
| «Мне надоело кланяться прохожим... » | 110 |
| «Мне не выиграть здешних сражений... » | 111 |
| «И пред поверженностью той... » | 112 |

«И это кончится...» 113

IX
НО ВСЁ-ТАКИ Я ЕСТЬ!..

«Я стою на гулком перекрестке...» 117
«Я вижу, как уходят поезда...» 118
«Я время мчится, как собака...» 119
«Вернется ли снова былая слава?...» 120
«О, этот страх... » 121
 «Но хоть качает и гнетет меня неведомая сила... » 122
«И кто-то сдался... » 123
«Упрямо... » 124
«И снова нива слов взрыхлилась... » 125
«И хоть меня убили... » 126
«Если ты умираешь... » 127

X
МЫ ЖИВЕМ В ОКАЯННОЕ ВРЕМЯ...

«Предчувствие бед... » 131
«Люди — управляемое стадо...» 132
«О если б кто знал... » 133
«Мы живем в окаянное время... » 134
«Над страной вновь сгустились грозы... » 135
«Мне не понять... » 136
«И руками обеими я снимаю венец... » 137

XI
МНЕ ЗДЕСЬ СВОЕ СЛОВО СКАЗАТЬ

«Идет угашение русской свечи... » 141
«Когда стирается с лица земли Держава... » 142
«Как я дошла до жизни той... » 143
«Как тяжело... » 144

 «Когда ты не в ладу с эпохой...» 145
 «Хоть бы все поднялись!..» 14
 «Свободней, Свободней!..» 14
 «Я потеряла все...»
 «Возможности мои...»
 «Здесь все — мое...»
 «Моя нужда — она проста...» 151

VI

| | |
|---|-----|
| «Вот он...» | |
| «Я горечь с души своей...» | 153 |
| «Что меня держит на грешной земле?..» | 154 |
| «Пусть я умру на улицах Москвы...» | 155 |
| «Быть верной себе...» | |
| «Если смерть на тебя, ненароком, взглянула...» | 157 |
| «Жизнь летит со скоростью ветра...» | 158 |
| «Все дороги на счастье... » | 160 |
| «Мир будет двигаться... » | 161 |
| «Мир без России не обойдется...» | 162 |
| «Мы ангелы проигранных сражений... » | 163 |
| «Мы будем дышать еще воздухом чистым...» | 164 |
| «Счастье жить!.. » | |
| «Это синее море — мое...» | 165 |
| «И мое — мое, и твое — мое...» | 168 |
| «И мое — мое, и твое мое... "Хлеб насущный наш"...» | 169 |
| «И мы построим новый мир... » | 170 |
| «Замазываю в сердце щели... » | 171 |
| «И обретая вновь себя... » | 172 |
| «И сквозь падения и взлеты... » | 173 |
| «Катится жизни стоцветной поток... » | 174 |
| «Спасибо России что есть и была!.. » | 175 |
| «Когда в мои жилы втекает усталость... » | 177 |
| «Синеет сумрак... » | |
| «Уходит жизнь...» | |
| «В моих протянутых руках душа... » | 180 |
| «Мне здесь и любить, и работать... » | 181 |
| «Поэта путь — печали слёзы...» | 182 |
| «И все-таки есть прорыв...» | 183 |
| «... И дух пробудился... » | 184 |

XII

ПОСЛАНИЕ БЛОКА, или Россия между Востоком и Западом

О творчестве Сэды Вермишевой

| | |
|---|-----|
| Николай Дорошенко | |
| <i>СЭДА. К творческому портрету Сэды Вермишевой</i> | 199 |
| Наталья Гомцян. Вселенная Сэды Вермишевой | 206 |

Григорий Блехман. Песня метели — не яблони цвет...
(О сборнике стихотворений Сэды Вермишевой
«Смятение»)

212

Сэда Вермишева — автор семнадцати книг стихотворений: **«Солнце стоит высоко»**, Ереван, издательство «Айастан», 1970; **«Мерцающий пунктир»**, Ереван, издательство «Советакан грох», 1974; **«Листья»**, Ереван, издательство «Советакан грох», 1982; **«Наскальный орнамент»**, Ереван, издательство «Советакан грох», 1988; **«Нагорье»**, М., издательство «Советский писатель», 1990; **«Щербатая клинопись»**, Рязань, издательство «Узорочье», 1999; **«Крыло любви»**, Рязань, издательство «Узорочье», 1999; **«Разбит наш дом»**, Рязань, издательство «Узорочье», 2003; **«Возвращение к себе»** (на арм. яз.), Ереван, издательство «Нор Дар», 2003; **«Из камня и песка»**, М., издательство «Время», 2005 (*Поэтическая библиотека*); **«Между всеми мирами»**, М., Библиотека журнала «Меценат и Мир», 2008; **«Мятежная Нежность»**, М., «Гуманитарий», 2008, 2010; **«Бессмертный дух»**, Ереван, «Чаренц», 2010; **«Стихи»**. (*В переводах на английский Я. Колкера*). М., Библиотека журнала «Меценат и Мир», 2012; **«Вшпоуетисга С2Ш08С»** (*в переводах на польский Ежи Шокальского*) Тогип, издательство «Адам Маршалэк», 2013 и.; **«Смятение»**, М., издательство «Российский писатель», 2013; **«Армения — мой щит и меч»**, Ереван, издательство «Аполлон», 2013 (*на арм. яз.*). В издательстве «Узорочье» вышли книги о ее жизни и творчестве: **«Феномен Сэды Вермишевой»** (Рязань, 2003), Алла Аракс-Айвазян **«Дочь народа моего»** (Рязань, 2001); Нина Пименова **«Лица необщее выражень»** (Рязань, 2002).

Сэда Константиновна Вермишева

Преодоление

Стихотворения

*Редактор Н.И. Дорошенко
Технический редактор Е.И. Косырева*

Подписано в печать 12.04.2014. Формат
84x108/32. Бумага офсет № 1. Гарнитура Newton
С. Печать офсетная. Печ. л. 7,25. Тираж 500 экз.
Заказ № 560

АНО «Редакционно-издательский дом
«Российский писатель», 119146 Москва,
Комсомольский пр-т, 13 тел./факс: 8-962-965-51-
64; e-mail: sp.rospisatel.ru; www.rospisatel.ru

Отпечатано в полном соответствии с
качеством предоставленного издательством
электронного оригинал-макета в ГУЛ
«Клинцовская городская типография».
243140, Брянская обл., г. Клинцы, пер.
Богунского полка, 4а. Тел.: 8(48336) 4-24-56;
4-04-18; 4-35-89.